

Институт истории академии наук БССР

ПОЛОЦКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

К 1125-ЛЕТИЮ ПОЛОЦКА

**Конференция „История и археология Полоцка
и Полоцкой земли“**

ПОЛОЦК – 1987

Доклады на юбилейных чтениях,
посвященных 1125-летию города Полоцка.

- Л.В. Алексеев /Москва/ Из истории формирования южных феодальных центров Полоцкой земли. Минск и Друцк.
- Бектинеев Ш.И. /Минск/ Торговые пути X – XV вв. на территории Белорусского Подвинья.
- Булкин В.А. /Ленинград/ Софийский собор в Полоцке и зодчество XI – XIII вв.
- Булкин В.А. /Ленинград/ Река Полота и загадочный Турунт.
- Булкин В.А. /Ленинград/
Смирнов В.Н. /Ленинград/ О месте Полоцке на Западной Двине.
- Воронова В.М. /Ленинград/ Проблемы текстологического изучения "Жития Евфросинии Полоцкой".
- Гурин М.Ф. /Минск/ Технология обработки железа в Полоцкой земле.
- Джаксон Т.Н. /Москва/ Полоцк в древнескандинавской письменности.
- Дучиц Л.В. /Минск/ Этнический состав населения северо-запада Полоцкого княжества.
- Заяц Ю.А. /Минск/ Менская волость-удел в X – XII вв.
- Клименков В.В.
Лифшиц Ю.А. /Киев/ София Киевская и компоненты её ансамблей в XI в.
- Колединский Л.В. /Минск/ Второй город земли Полоцкой /Витебск X – XIV вв./
- Кушнир А.И. /Минск/
Чаквин И.В. Новые материалы к антропологической характеристике населения Полоцкой земли X – XIII вв.
- Левко О.Н. /Минск/ Роль Витебска в организации торговли в Белорусском Подвинье в эпоху феодализма.
- Максимова Э.С. /Минск/ Ювелирное искусство Полоцка XVI – XVIII в.
- Никитенко Н.Н. /Киев/ К вопросам авторского замысла и датировки Софии Киевской.
- Никитенко М.М.
Осадчий Е.И. /Киев/ Древнерусский город в г. Изяславле Хмельницкой области.
- Поболь Л.Д. /Минск/ Полоцкая земля и славяне.
- Подлипский А.М. /Витебск/ Дореволюционные почтовые открытки Полоцка.
- Пуцко В.Г. /Калуга/ Полоцк в истории древнерусского искусства.

- Рожественская М.В. /Ленинград/ Город и река /Полоцк и Западная Двина/ в художественной системе "Слова о полку Игореве".
- Рожественская Т.В. /Ленинград/ Письменность Полоцка и Полоцкой земли XI – XV вв. по эпиграфическим данным.
- Сергеева З.М. /Москва/ Исследование курганов на северо-западе Полоцкой земли.
- Серёгина Н.С. /Ленинград/ Певческий цикл о Евфросинье Полоцкой – памятник XII в.
- Соболь В.Е. /Минск/ Основные виды и формы бытовой керамики Минска XIV – XVIII вв.
- Ставиский В.И. /Киев/ Полоцкие князья в системе организации власти над русской землей в XI в.
- Тарасов С.В. /Минск/ К вопросу о развитии топографической структуры Полоцка IX – XVII вв.
- Тарасов С.В. /Минск/
Романенкова г.Н. /Полоцк/ Раскопки на Великом посаде в г. Полоцке.
- Терещатова О.В. /Минск/ Фрески Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиньевского монастыря.
- Тоцкая И.Ф. /Киев/ К вопросу о живописном декоре Киевской Софии.
- Трусов О.А. /Минск/ Вклад И.М. Хозерова в изучение полоцкого древнего зодчества.
- Ушинкас В. /Ленинград/ О Древнем Браславе.
- Ходыко А.Ю. /Минск/ Портрет 1766 г. из Полоцка.
- Цейтлина М.М.
Левкова Т.И. /Минск/ Технологические особенности росписей Полоцких храмов IX – XII вв.
- Шадыро В.И. /Минск/ К истории заселения западной части Полоцкого Подвинья в I тыс.
- Штыхов Г.В. /Минск/ Место Полоцка в политической системе Древней Руси.
- Ярошевич А.А. /Минск/ Полоцкая скульптура эпохи барокко.

Л.В. Алексеев, Москва

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ. МИНСК И ДРУЦК.

1. Территория Полоцкой земли издревле привлекала жителей обилием водных пространств – озёр и рек, которые могли служить дополнительным источником питания в годы неурожая и использоваться в качестве коммуникаций. Как показали изобилующие здесь курганы, славянские поселения распространялись здесь в конце I тыс. – нач. II тыс. не хаотически, а амёбообразными сгустками, более всего – в районе озёр, затем рек и менее на водоразделах. В интересующих нас южных районах Полоцкой земли (земли по верхним Свислочи, Птичи, Березине, Друти) население концентрировалось всего более в двух местах: на верхней Свислочи – Птичи и на р. Усяж-Бук-Друть. Промежуток между этими местами (по верхней Березине с притоками был заселен менее интенсивно).

2. Судя по курганам, скопления поселений славян на Усяж-Бук-Друти было в этих районах древнейшим и возникло в X в. (курганы с сожжением Загородье, Арава, Синчуки и др.). Скопление на Свислочи-Птичи было более поздним (XI в.) (здесь почти не встречаются изобилующих севернее курганов с кремацией.)

3. Процесс создания громадного Полоцкого княжества, занявшего всю Северную Белоруссию, увлек за собой не только полоцких кривичей (все скопления поселений, кроме Свислочско-Птичского), но и дреговичей (их сев. часть – Свислочско-минское скопление). Крайне характерно, что именно в тех двух зонах интенсивного скопления поселений, о которых шла речь (свислочское и друцкое) возникли два феодальных центра Полоцкой земли – Минск и Друцк и центры эти, расположенные в среде больших скоплений поселений южного полоцкого порубежья на данной территории оказались крупнейшими (!). Центры на Березине с притоками (Борисов и Логойск) в сравнение с ними идти не могут.

4. Как показывают находки в западинах материка, Друцк был основан в к. X – н. XI вв. (характерная керамика, замки типа А первого вида, обилие бусин лимонок, глазчатых и т.д.) и представлял типичное для того времени сложно-мысовой городище. В Минске самые ранние находки относятся к несколько более позднему времени (ключи типа

А второго вида и др.). Началом XI в. можно датировать лишь единичные находки бусин (1 лимонка, 1 глазчатая бусина). Минск на Свислочи основан, следовательно, в сер. – вт. пол. XI в. Где же искать феодальный центр более ранний, тот, который, подобно Друцку, должен был в первой пол. XI в. стать во главе большого скопления поселений на р. Свислочи и Птичи? Единственное городище этого времени и соответственного масштаба на всем южном порубежье Полоцкой земли имеется лишь в одном месте и давно раскапывается белорусскими исследователями. Оно и расположено именно в зоне крупнейшего Свислочно-Птичского скопления поселений, имеется в виду городище Строчицы под Минском, которое теперь более правильно именуется "Городищем на р. Менке".

5. Ряд имевшихся данных позволяет с большой долей вероятности считать, что подобно Смоленску, первоначально основанному в Гнездове, первый Минск – Менск возник на р. Менке у Строчиц (откуда и название Менск) и именно из этого центра началось феодальное освоение поселений Свислочно-Птичского скопления населения. Как показал А.Н. Насонов, освоение это началось из Полоцка, т.е. с севера и продолжалось до тех пор, пока Полоцкая дань не столкнулась с данью взимаемой с юга. Граница той и другой дани легла, несомненно, между южными пределами Свислочского скопления и северными пределами многочисленного скопления поселений вокруг Слуцка. Здесь, в "мертвой" не заселенной территории, вероятно, сплошного леса, стала проходить граница Полоцкого и Турово-Пинского порубежья.

6. Скопление на Свислочи и Птичи было велико, податного населения было в нём много, и полоцкий феодальный центр было опасно основывать в самой гуще эксплуатируемых. Этим, как кажется, и объясняется причина, почему феодальная крепость здесь была поставлена в северной части скопления, ближе к остальным полоцким землям. Не приходится удивляться, что при таком обилии податного населения, городище на р. Менке через несколько десятилетий уже не могло удовлетворять. Было решено возвести более мощную крепость. На р. Менке для этого условий, по-видимому, не было, удаляться от северных пределов скопления жителей, как мы сказали, было нельзя и вот ещё севернее вблизи устья Немиги было выстроено огромное, отнюдь не мысовое городище, площадью в 3 га и с мощнейшей системой укреплений. Сделано это было в середине XI в. Теперь Минск предстаёт перед нами не в качестве военного пограничного укрепления (как полагают некоторые исследователи), а в качестве крупного фео-

дального центра Полоцкой земли. Для его возведения потребовалась огромная работа, вероятно, всего подвластного Минску населения и продолжалось это в течение 4-х лет. Огромная масса податного населения, значительно большая по количеству населения, чем податное население Друцка было причиной того, что при образовании удельных княжений в Минске и Друцке, Минское княжение, по-видимому, опережало в своём развитии Друцкое княжение, и их единоборство кончалось иногда победой минских князей в борьбе за полоцкий стол.

Ш.И. Бектинеев, Минск.

ТОРГОВЫЕ ПУТИ X–XV ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ.

Крупнейшими городами на территории Белорусского Подвинья являются Полоцк /с 862 г./ и Витебск /с 974 г./, расположенные на главной торговой магистрали региона – р. Зап. Двине. Оба города контролировали, пути с Поволжья в Прибалтику и из Новгорода в Киев. На территории Белорусского Подвинья можно проследить, по крайней мере, 13 водных и сухопутных коммуникаций. Основные направления торговых путей Полоцка и Витебска прослеживаются по письменным, нумизматическим и археологическим данным. Л.В. Алексеев полагает, что курганные могильники располагаются вдоль торговых магистралей. Поэтому археологические материалы, полученные при раскопках погребений X - XIV вв. помогают наметить торговые пути и центры этого времени. К таким находкам относятся изделия, которые не производились на Полотчине и Витебщине: золото-серебростеклянные и каменные бусы, византийские и киевские стеклянные браслеты, восточные и европейские монеты, привозные украшения, оружие и т.д.

Наиболее древний путь описывает "Повесть временных лет" – это "путь из варяг в греки", соединявший Новгород с Киевом. Ответвлением его является магистраль, имеющая западное направление: р. Днепр - волок - р. Верхита- р. Лучеса - г. Витебск - р. Зап. Двина г. Полоцк р. Зап. Двина- Балтийское море. Протяженность Западной Двины на территории БССР составляет 328 км. Она берет начало на Валдайской возвышенности недалеко от истоков Волги и впадает в Балтийское море. В среднее течение Зап. Двины впадают Оболь, Полота, Дрисса, Лучеса, Улла, Дисна, которые были частями основных или второстепенных, местных, путей. Судоходство в среднем течении Зап. Двины развито от Велижа /Смоленская обл./ до г. Дриссы /сейчас Верхнедвинск/.

В конце X – первой четверти XI в., по-видимому, был более прямой путь из Днепра в Полоцк, минуя Витебск: р. Днепр – р. Друть – волок – р. Усвейка – р. Улла – р. Зап. Двина – Полоцк. На этот путь указывают археологические находки конца X – середины XI в.

В 1102 г. полоцкий князь Борис Всеславич заложил г. Борисов, который охранял средний участок пути из Днепра в Полоцк по Березине от набегов друцкого князя. Этот путь имел следующее направление: р. Днепр - р. Березина -/на ней г. Борисов/ волок -р. Ушача -р. Зап. Двина -/вверх

по течению/ Полоцк.

Из Смоленска в Полоцк путь шел по р. Каспле, по Западной Двине через Витебск.

Картографирование привозного оружия X – XII вв. /наконечники копий и стрел, навершения булав и кистени/ позволило определить пункты, контролировавшие торговые пути этого времени. Такими пунктами "таможнями" были Друцк, Лукомль-Кастрица, Полоцк, Масковици, с 1115 г. смоленские полоцкие города Копысь и Орша.

Из Полоцка в Новгород могли добираться по р. Зап. Двина /через Витебск/ – р. Усвяча – волок – р. Ловать и далее "путь из варяг в греки". Но по-видимому был и более прямой путь: Полоцк – р. Зап. Двина /вверх по течению/ – р. Оболь – волок – оз. Ордово – протока до оз. Невель – волок – озеро – волок – оз. Большой Иван – р. Ловать и далее как "из варяг в греки".

При картографировании литовских изделий, найденных в Белорусском Подвинье, определяется путь X - XI вв. из Литвы в Полоцк. Он имеет следующий маршрут: северо-восточная Литва – оз. Диснай /Дисна/ – р. Дисна – р. Зап. Двина – Полоцк.

В конце XIV в. был описан путь из Новгорода в Белгород Днестровский: Великий Новгород – Великие Луки – Витебск – Друцк – Слуцк и т.д.

В конце прошлого века на территории Белорусского Подвинья ещё существовали остатки сухопутных дорог XIV в. "Ольгердова дорога" /середина XIV в./ связывала Литовское и Московское государства: Вильно-Глубокое-Бездедовичи-Рудня-Полоцк-Витебск-Смоленск-Москва. Полоцк с Киевской землей соединяла через Борисов вымощенная бревнами так называемая "Витовтова дорога" /конец XIV – начало XV в./. Остатки её прослеживались около деревень Калужица, Жуковка, Полелуне, Мурава /над р. Березиной/.

Под 1427 г. известно описание торгового пути из Великого княжества Литовского в Московское с указанием городов, где находились таможенные пункты: /литовские/ Витебск – Смоленск – Дорогобуж – Вязьма – /тверские/ Зубцов – Тверь – Кашин...

В X – XV вв. довольно активно использовались основные и второстепенные торговые пути со многими соседними землями. В разное время значение их изменялось – одни становились второстепенными, другие – основными. Если в X – середине XIV вв., в основном, были водные пути, которые становились сухопутными только зимой, то с середины XIV – начала XV в. начали функционировать сухопутные дороги, не зависевшие от рек.

В.А. Булкин, Ленинград

СОФИЙСКИЙ СОБОР В ПОЛОЦКЕ И ЗОДЧЕСТВО XI – XIII ВВ.

30-е – 50-е гг. XI века – время интенсивного каменного строительства в крупнейших городах Руси – Киеве, Чернигове, Новгороде и Полоцке. Активизация строительной деятельности находится в тесной связи с успехами христианизации страны и утверждением новых основ духовной жизни. В Киеве, Новгороде и Полоцке строятся грандиозные городские соборы во имя Софии Премудрости. Последовательность их возведения и одинаковое посвящение позволяет считать, что строительство Софийских соборов было осуществлением единой программы, идейный пафос которой близок "Слову о законе к благодати" митрополита Иллариона. Архитектура городских соборов была зримым утверждением нового миропонимания, образом духовного единства Руси и свидетельством высокого уровня самосознания заказчиков и строителей.

Время постройки полоцкого Софийского собора сохранившиеся письменные источники не фиксируют. Датировка памятника возможна на основе технико-технологических, типологических и стилистических особенностей. Общерусская архитектурно-строительная ситуация 30-х – 50-х гг. XI века и последовательность каменного строительства в главных городах Руси позволяет рассматривать полоцкий собор как звено единого строительного цикла и датировать его серединой XI в.

Такую датировку подтверждает и архитектурно-археологическое исследование, проведенное в конце 70-х годов. Особенность кладки фундаментов и сохранившихся частей стен, наличие столбов под хорами в западной части центрального нефа и в трансепте, остатки фундамента лестничной башни, приликавшей к северно-западному углу основного объема, доказанное исследованием позднее происхождение западных апсид – все это позволяет рассматривать полоцкий храм в одном архитектурно-художественном и хронологическом ряду с одноименными соборами Киева и Новгорода. Реконструкция объемной композиции здания особенно в верхних частях, допускает несколько вариантов.

Софийский собор в Полоцке, как и София Новгородская, находится у истоков местной архитектурной школы. Своеобразие полоцкого зодчества XII века сформировалось не без воздействия первого каменного сооружения города. Так собор Бельчицкого монастыря и церковь

в Детинце, подобно Софии, имеют дополнительный неф перед апсидами, а подкуольный квадрат этих храмов сдвинут к западу. Возможно, что предпосылки башнообразной композиции типа Спасо-Евфросиньевской церкви также восходят к особенностям Софийского собора.

В XII в. вокруг Софийского собора появился целый комплекс каменных построек самого разнообразного назначения.

В.А. Булкин, Ленинград

РЕКА ПОЛОТЫ И ЗАГАДОЧНЫЙ ТУРУНТ.

В сочинениях античных авторов I – IV вв. /Марцеллин, Птолемей, Маркиан/ приводится перечень рек, впадающих в Балтийское море восточнее Вислы – Хрон, Рудон, Турунт, Хесин. Попытки локализовать эти реки на современной географической карте наталкиваются на трудности, которые, подчас, рассматриваются как непреодолимые /Н.И. Кушнер/. Новый анализ историко-географических данных по этому вопросу приводит к более оптимистическим выводам /Д.А. Мачинский, В.А. Булкин/.

Полагаю, что ближе всех к разгадке последних трех названий подошёл А. Сапунов, обобщивший значительный материал в своем историко-географическом обзоре – "Река Западная Двина" /1893 г./. В частности им приведены сведения о соответствии древнему Турунту нынешней реки Полоты. В дальнейшем это наблюдение было забыто. Ниже воспроизводится аргументация А. Сапунова с дополнениями автора:

1/ засвидетельствованное в первой половине XIX в. М. Берхом местное название верховьев Полоты – Турунтус. Этот факт проверил и подтвердил сам А. Сапунов;

2/ существование в составе Полоцкого повета во второй половине XVI в. Турунтовской волости, состоящей из двух частей и охватывающей – среднее и верхнее течение Полоты, приближаясь к верховьям Дриссы. Название волости явно озерно-речного происхождения;

3/ наличие на картах Литвы большого атласа Меркатора озера Тарантева как одного из истоков Полоты, сопоставляемого, вероятнее всего, с нынешним озером Неколочь, а может быть – с озером Туричино /Туручино/.

4/ указание Разрядной книги полоцкого похода Ивана Грозного в 1563 г., когда, при маневрировании войск в верховьях Полоты и движении от Полоцка к Великим Лукам, неоднократно упоминается озеро Теронтово, стан на Туронтовой;

5/ упоминание в Полоцкой ревизии 1552 г. села /одного или нескольких/ Тарантово как владения полоцких мещан. Ко второй половине XVII в. относятся две записи актовых материалов Внтесбской губернии об имении того же названия, расположенного где-то на берегу Дриссы. Нынешняя д. Шведы при выходе Полоты на озеро Неколочь, по мнению местных жителей, сравнительно недавно имела и другое название –

Турунтово или Торонтово.

Совокупность приведенных данных позволяет констатировать, что гидронимическая ситуация в среднем и верхнем течении Полоты, возможно, в верховьях Дриссы и соседних районах на протяжении последних четырех столетий характеризовалась определенным динамизмом /неустойчивостью/: названиям реки – Полота, озера – Неколочь, отдельных населенных пунктов составляла все более слабеющую конкуренцию названия Турунтус, Теронтово, Турунтово. При этом реликтовые наименования все более оттесняются к верховьям Полоты /Дриссы/, в водораздел с Великой и Ловатью.

Подобное явление в его исторической ретроспекции не только подкрепляет сам вывод А. Сапунова, но и заставляет взглянуть на вопрос об атрибуции античного Турунта шире, имея ввиду аналоги факту консервации первоначального названия речного пути на его периферии /Борисфен-Березина-Днепр/. С учетом того обстоятельства, что Турунт впадает в Балтийское море, может заслуживать внимания реконструкция древнего водного пути в направлении: р. Полота /Дрисса/ – р. Великая – Чудское озеро – р. Нарва – Финский залив.

В.А. Булкин, Ленинград
В.Н. Смирнов, Ленинград

О МЕСТЕ ПОЛОЦКА НА ЗАПАДНОЙ ДВИНЕ.

Утверждение Полоцка на Западной Двине прочно связывало судьбы города и широтной водной магистрали – западного ответвления пути "из воряг в греки". Почему же полочане отдали предпочтение месту будущего княжеского центра именно здесь, в низовьях Полоты, а не на другом участке западнодвинского побережья? Руководствуясь правилом почти не имеющем исключений для прочих средневековых крупных поселений на Западной Двине, а именно, жесткой привязки и порожистым отрезкам реки /Витебск, Динабург, Ерсика, Куkenойс, Айзкраукле, Даугмале/, можно было бы ожидать наличия таких же или аналогичных препятствий под Полоцком, но их там нет. Столь же тщетны надежды на выделение "пятна" плотной заселенности в окрестностях возникающего города: известные ныне памятники, синхронные Полоцку IX в., – длинные курганы – обходят его стороной.

В поисках ответа на поставленный вопрос вновь обратим внимание на географическое сближение верховьев рек Великой и Ловати с правобережными притоками Зап. Двины-Горопой, Усвячей, Оболью, Полотой, Дриссой, которые составляют гидрографию части северной половины днепро-двинской культурной общности /В.А. Булкин/. Если транспортная связь Ловати с Западной Двиной через Усвячу едва ли вызывает возражения, то параллельное направление от полоцкого Подвинья к Великой остается, за малым исключением, в тени историко-географических исследований. Между тем, возможность подобной стыковки речных систем, на которую обратил внимание ещё В.Н. Татищев, подкрепляется следующими данными:

1/ наличием на водоразделе бассейна Дриссы /район реки Ущи и одноименного озера/ и верховьев Великой цепочки озер, расположенных в линии древней ложбины стока и, тем самым, образующих удобный переход из одной реки в другую;

2/ присутствием в тех же местах "волоковой" топонимии: у станции Уща – д. Переволоки, севернее – урочище Волок, у озера Лисно – с. Заволочье /В.А. Жучкевич/;

3/ возможностью идентифицировать данное направление водного пути с рекой Турунт античной географической номенклатуры II – IV вв. Подобное название реки, озера и населенных пунктов фиксируется в

отечественных письменных источниках, по крайней мере, с XVI в., а в местной топо- и гидрономии сохраняется вплоть до конца XIX – начала XX вв. и прилагается к районам сближения верховьев Полоты, Дриссы и Великой /Б.А. Булкин/;

4/ обнаружением на волоковом участке близ Д. Шолохово знаменитого клада XI в., состоящего из 23 серебрянных украшений /Г.Ф. Корвужина/.

Учитывая все эти данные, контуры общего пути могут быть представлены так: река Западная Двина – реки Полота или Дрисса – река Великая – Чудское озеро – река Нарва – Финский залив. Трасса пути, как и соседнего ловатско-волховского направления, фланкируется древними городами /Полоцк – Псков/ и фиксируется находками как кладов домонгольского времени /Узьмина, Забельская, Скадино, Пейпус, Псковский уезд, Ахремцы/, так и вещей /в комплексах и отдельно/ северо-европейского происхождения эпохи викингов /Псков, Изборск/.

Вероятной, не нуждающейся в уточнениях, является аналогичная связь полоцкого Подвинья через Дриссу /по Уще и далее к Насве/ или Оболь /через озеро Езерище/ с бассейном Ловати и дальнейшим выходом на ловатско-волховское направление пути из варяг в греки /С.В. Верийштейн-Ноган/.

Таким образом, выбор места для Полоцка мог быть мотивирован удобством положения на стыке водных путей, выведшим к удаленным друг от друга частям Балтийской акватории – рижской и финской.

Е.М. Воронова, Ленинград

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
"ЖИТИЯ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ".

"Житие Евфросинии Полоцкой" изучается с конца XVIII в. Попытка текстологического анализа некоторых списков была сделана в двух работах. Ян Стебельский¹ в 1781 г. издает текст Жития по трём спискам: Великие Четьи Минеи Макария, Четьи Минеи Дмитрия Ростовского и какой-то неизвестный список. В 1888 г. А. Сапунов публикует текст Жития так же по трем спискам, кроме Четий Минеи Дмитрия Ростовского дает текст Степенной книги Царского родословия и список, опубликованный г. Кушелевым-Беабородко².

"Житие Евфросинии Полоцкой" выявлено нами в 133 списках, и имеет по крайней мере три редакции: Сборников, Минейную и Степенную.

Редакция сборников содержит 21 список. Она делится на две группы. Большинство списков восходит к тексту рукописи Иосифо-Волокаламского монастыря /ГБЛ.ф.113 № 632/ около 1519 г.; другая группа восходит к тексту рукописи конца XV в. /№ 1311 библиотека им. А.М. Горького МГУ/.

Минейная редакция содержит 13 списков. Основными списками этой редакции являются Четьи Минеи Макария /Успенская и Царская/.

Степенная редакция содержит 100 списков. Основным списком этой редакции является рукопись Чудова монастыря 1562 г. /ГИМ. Чудов. собр. № 358/56/.

Редакция сборников и редакция Минеи дают архетип текста, а Степенная редакция является позднейшей расширенной редакцией, которая через группу сборников Иосифо-Волокаламского монастыря восходит к протографу Сборников.

---

¹ J. Stebelski Dwa wielka swiatla na Horizoncie Polockim, Wilno, 1781.

² Памятники старинной русской литературы т.IV, Спб., 1862 с.173-179.

М.Ф. Гурин, Минск

ТЕХНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА В ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛЕ.

Комплексные исследования кузнечной продукции из археологических памятников Полоцкой земли с использованием металлографического анализа свыше 700 орудий труда, оружия, бытовых и хозяйственных предметов позволили представить уровень и изучить развитие технологии обработки железа и стали в древнерусский период и в последующее время на территории одного из крупнейших княжеств Киевской Руси. На основе результатов исследований сделаны следующие выводы:

1. Кузнечное ремесло базировалось на переработке кричного металла с различным содержанием углерода, который производился из местных болотных руд. Для изготовления рабочих частей орудий труда иногда использовалась привозная качественная сталь, отличающаяся от железа гаммой примесных химических элементов.

2. При изготовлении разнообразной продукции широкого ассортимента обязательными были операции свободной ручнойковки металла в нагретом состоянии, которыми кузнецы владели в совершенстве и применяли в соответствии с функциональным назначением изделий.

3. Широко использовалась кузнечная сварка как при пакетировании исходного сырья, так и при производстве комбинированных железно-стальных орудий труда и инструмента, а также при изготовлении предметов с узорчатыми /псевдомассскими/ лезвиями. Необходимо отметить высокое качество сварных соединений.

4. При производстве навесных замков, ключей к ним, а также для ремонта отдельных категорий изделий применялась горновая пайка с использованием твердых припоев на основе меди.

5. Химико-термическая обработка /цементация/ практиковалась как для насыщения железа углеродом с целью получения стали, так и при производстве орудий труда и инструмента для повышения твердости их рабочих частей, при этом использовалась преимущественно локальная цементация.

6. Термической обработке /закалке/ подвергались цельностальные и комбинированные железно-стальные изделия с охлаждением в мягких средах. Широко практиковалась закалка с отпуском. Нередко применялась местная закалка рабочих частей орудий труда. Количество ответственной продукции, не прошедшей операций термообработки, не велико /около 10%/.

7. Учитывая склонность железа к коррозии, мастера при

производстве орудий труда и инструмента для повышения твердости их рабочих частей, при этом использовалась преимущественно локальная цементация.

6. Термической обработке /закалке/ подвергались цельносталевые и комбинированные железо-стальные изделия с охлаждением в мягких средах. Широко практиковалась закалка с отпуском. Нередко применялась местная закалка рабочих частей орудий труда. Количество ответственной продукции, не прошедшей операций термообработки, не велико /около 10%/.

7. Учитывая склонность железа к коррозии, мастера при производстве некоторых предметов позаботились о защите поверхностей путем нанесения покрытий из цветных металлов, преимущественно бронзы, обеспечив прочное соединение защитного слоя с черным металлом. Для придания красивого вида отдельным изделиям /шпорам, ножам, наконечникам копий, рукоятям мечей и др./ проводились трудоёмкие операции инкрустации /насечки/.

8. Развитие технологии обработки железа и стали усматривается в эволюции схем изготовления комбинированных железо-стальных орудий труда: трехполосная схема в XII в. постепенно сменялась упрощенной технологией наварки стальных рабочих частей на железные основы лезвий, что было вызвано возрастающими потребностями рынка, а также в широком использовании операций термообработки, пайки и др.

9. Сопоставление результатов металлографических исследований кузнечной продукции Полоцкой земли с данными изучения аналогичных предметов с территорий западной и центральной Европы показывает, что местное железообрабатывающее ремесло находилось примерно на одинаковом уровне и обладало достаточно высокой для своего времени технологией металлообработки.

Т.Н. Джаксон, Москва

ПОЛОЦК В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Памятники древнескандинавской письменности содержат сведения о двенадцати древнерусских городах, один из которых – Полоцк, упомянутый в восьми источниках:

Географическое сочинение "Описание земли Г" /последней четверти XII в./ называет Полоцк среди четырех городов в Гардарике /на Руси/: "Там есть Кэнугард /Киев/ и Хольмград /Новгород/, Палтескья /Полоцк/ и Смалескья /Смоленск/.

Саксон Грамматик в "Деяниях датчан" /конца XII в. – начала XIII в./ повествует о взятии Полоцка конунгом Фродо с использованием военной хитрости, ибо "силой города не взять".

3. "Сага о Тидреке Бернском", /сага о древних временах, записанная в 1250 г. на основе древненемецких эпических сказаний/ трижды упоминает Полоцк: в двух параллельных списках городов в Руссналанде /на Руси/, захваченных конунгом Вильтином /Смоленск, Полоцк, Смоленск, Киев, Полоцк/, и в качестве места битвы героев саги. В последнем случае заслуживает внимания отмечаемая автором саги укрепленность Полоцка, каменные стены которого были осаждаемы на протяжении трех месяцев с помощью стенобитных машин.

4. "Сага о крещении" /епископская сага конца XIII в./ рассказывает об исландце, жившем в конце X в., – Торвальде Путешественнике, умершем в России /на Руси/ недалеко от Полоцка, по пути из Иерусалима через Константинополь и Киев в Скандинавию. Со ссылкой на скальда Бранда Путешественника /ни по каким более источникам неизвестного/ в саге сообщается, что Торвальд похоронен "в высокой горе вверх по течению Дрёвна", "у церкви Иоанна Крестителя".

5. "Сага об Эймунде" /поздняя королевская сага, датируемая концом XIII в./, повествуя о службе варягов на Руси у Ярицлейва /Ярослава Мудрого/ и Вартилава /Брячислава Полоцкого/, выделяет "Полоцк и область, которая сюда принадлежит", в качестве одной из трех основных частей Гардарики – /наряду с Кэнугардом в Хольмгардом/. Согласно саге, два скандинава /Эймунд и Рагнер/ последовательно держат Полоцк.

6. Географическое сочинение "Какие земли лежат в мире" /второй половины XIII – начала XIV в./ называет Полоцк среди восьми /семи/ "главных городов" в Гардарике: "Морамар" /Муром/, Ростова /Ростов/, Сурдалар /Суздаль/, Хольмград /Новгород/, Сюрнес Гадар /Гнездово/ Палтескья /Полоцк/, Кэнугард /Киев/.

7. "Сага об Одде Стреле" /сага о древних временах, конца XIII в./ лишь в поздних /XV в./ списках содержит вторичный по отношению к тексту трактата "Какие земли лежат в мире" перечень владений конунгов в Гардарике. Среди них назван и город Полоцк.

8. Географическое сочинение "Описание земли III" /конца XIII, или начала XIV в./, противопоставляя Гардарики /здесь: Северную Русь/ Кэнугардом /Киевскому княжеству/, называет в Гардарике один единственный город – Полоцк.

По числу упоминаний в древнескандинавских источниках Полоцк идет вслед за Новгородом, Киевом и Ладогой. Каждое известие требует детального анализа с привлечением других письменных источников, археологических материалов, данных топонимики, нумизматики. Необходим учет жанровой специфики памятников древнескандинавской письменности, и в первую очередь – в вопросах хронологии. В частности, саги, описывающие более ранние события, нередко "опрокидывают" в прошлое события и явления времени записи саг. Напротив, географические сочинения отражают, по мнению исследователей, фонд географических знаний, бытовавших в Скандинавии в устной традиции. При всех хронологических неточностях, фактических ошибках, тенденциозных преувеличениях, характерных для саг, в совокупности перечисленные материалы служат показателем тесных и длительных полоцко-скандинавских контактов.

Л.В. Дучиц, Минск

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА.

1. Проблема северо-западного рубежа Полоцкого княжества давно привлекает внимание исследователей. Из письменных источников известно, что данниками Руси были латгалы, ливы, земгалы, селы и курши. В XII – XIII вв. в Придаугавье существовали княжества Кокносе и Герсике, которые находились в вассальной зависимости от Полоцка. На основании археологических, антропологических и топонимистических данных доказано, что территория современного белорусско-литовско-латышского порубежья в период Полоцкого княжества бала заселена балто-славянами.

2. Первая волна славянского расселения на территории северо-западной Белоруссии относится к VII – VIII вв. В начале X – начале XI вв. приток населения увеличивается. Об этом свидетельствует появление новых курганных могильников восточнее Браслава. В XI – XII вв. отмечается массовое расселение кривичей. По наборам погребального инвентаря прослеживается различная степень взаимовлияний славян и балтов в микрорегионах. Браславское. Поозерье характеризуется сильным влиянием балтского этноса. Это выражается в наличии и мужских погребальных украшений и оружия, многочисленности подковообразных фибул со спиралевидными концами, спиральных пронизок, звериноголовых браслетов и ножей в мужских и женских захоронениях.

От браславских, освейские и дисненские курганы отличаются браслетообразными височными кольцами, широкосередиными перстнями, разнообразием стеклянных бус и малоинвентарностью мужских захоронений.

3. Заселенные кривичами районы были закреплены за Полоцкими форпостами, находившимися на месте городищ в Браславе, Масковичах, Дрисвятах, Ратюнках и Прудниках. Одновременное возведение этих пунктов, вероятнее всего, явилось результатом планирования оборонительной линии. Это было вызвано попыткой подчинения Восточной Прибалтики власти Полоцка, а также возникновением опасности со стороны Литвы, где началась консолидация балтских племен в литовскую народность.

4. О составе населения позволяют судить украшения, являющиеся этническими индикаторами. Сопоставление находок из раскопок курганов и городищ показывает различие в этническом составе сельского населения и населения укрепленных поселений. Сельское население было довольно однородным – балто-славянским. Наиболее распространенными

украшениями жителей деревни были стеклянные бусы, подковообразные фибулы со спиралевидными концами, браслеты, витые из двух проволок с завязанными концами. Формирование укрепленных пунктов происходило за счет выходцев из различных племен.

5. Этнический конгломерат сложился в Масковичах. Значительное место среди находок здесь занимает общевосточнославянские /широкорогие лунницы, монетовидные подвески, подвески-коники/ и общевостоочноприбалтийские /спиральные пронизки, подковообразные фибулы со спиралевидными концами, витые шейные гривны/ украшения. Фиксируется присутствие литовцев /круглые фибулы с выпукло-вогнутым сечением, подковообразные фибулы с утолщенными концами/, финно-угров /фигурные цепедержатели, двухзвенные цепи, браслеты и кольца, имитирующие косоплетенку/, ливов /черепавидная фибула с лилиевидным орнаментом/, земгалов /подковообразные фибулы с сегментовидными концами/, вятичей /височное кольцо, решетчатые перстни, плетеный браслет со стеклянными вставками на концах/, новгородцев /полая подвеска-коник/, скандинавов /равноплечая фибула, рунические надписи/.

Ю.А. Заяц, Минск

МЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ – УДЕЛ В X - XII ВВ.

Картографирование курганных могильников на территории Полоцкой земли показало, что основная их масса концентрируется в районах древних городов. По мнению Л.В. Алексеева, границы курганных скопелений соответствуют границам волостей /уделов/ Полоцкого княжества.

В окрестностях Минска /летописный Менск/ могильники группируются в верховьях Птичи между левым берегом Уссы и правым берегом Свислочи. Эта территория являлась ядром Менской волости, а затем Менского удела. Границы удела были, видимо, несколько шире и охватывали также часть слабозаселенной территории.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить процесс формирования волости-удела Менска следующим образом.

Территория ядра будущего удела заселялась славянами ещё в VI – VIII вв. Ко второй половине X в. она была заселена довольно плотно. Могильники и поселения этого времени исследованы у дд. Гричино, Дворище, Заречье, Каменка, Новосады, Озерцо, Ошмянцы, Пашковичи, Юрьево и др. Концентрация большинства памятников в верховьях Птичи и преобладание в регионе дреговических погребений свидетельствует, что основным населением здесь были дреговичи и продвижение их на эти земли осуществлялось, вероятнее всего, вверх по Птичи. Территориальное ядро Менской волости сформировалась к середине X в. В это же время возник её административный центр – поселение на р. Мена или Менка /приток Птичи/; Здесь найдено клеймо с изображением двузубца – знака князя Святослава Игоревича /умер в 972 г./.. Подобные знаки, как правило, находят в княжеских городах и погостах. Система погостов /летописные повосты/, как центров управления округами и сбора регламентированной дани, было введена вскоре после восстания древлян 945 г. первоначально в Древлянской и Новгородской, а затем и в остальных землях Киевского государства. Находки знаков Святослава в Заславле /Изяславле/ подтверждают, что в середине X в. погосты были учреждены в центральных районах Белоруссии. После передачи Изяслава и его округи во владение Рогнеде и её сыну роль поселения на Менке как местного центра великокняжеской власти возросла. Наличие в культурном слое памятника многочисленных знаков князя

Владимира Святославича, оружия, ремесленных инструментов, изделий и отходов производства, находки в окрестностях монетных кладов показывают, что к концу X – началу XI в. поселение явно приобрело черты протогорода либо раннефеодального города /торгово-ремесленный и военно-административный центр/.

Когда и каким образом эта территория была включена в состав Полоцкого княжества, неясно. Очевидно лишь, что произошло это до 1067 г. Не ясен окончательно и вопрос о причинах и времени переноса центра округа с верховьев Птичи на Свислочь.

Около 1085 г. Менск с округой были выделены в удельное княжество Полоцкой земли. С 1101 г. /после смерти Всеслава Брючиславича/ оно нередко выступает как самостоятельная политическая единица. Летописные известия позволяют предполагать, что с 1104 по 1119 г. менский князь претендовал на какую-то часть дреговических земель, не входивших в Полоцкую землю, а также пытался создать под своей эгидой союз или территориальное объединение, включающего поднепровские владения Полоцкой земли.

С 1119 по 1139 г. Менский удел был в подчинении киевских князей, в 1132 г. к нему была присоединена обширная территория с городами Туров и Пинск.

К середине XII в. в Менске утвердились сыновья Глеба Всеславича. Не сумев закрепиться на Полоцком столе, они предприняли попытку присоединить к Менскому ближайšie уделы Полоцкой земли, видимо, с целью превращения их в свое наследственное владение. Увенчалась ли эта попытка успехом неизвестно – с 1161 г. Менск надолго исчезает со страниц летописей.

В.В. Клименков, Киев

Ю.А. Лифшиц, Киев

СОФИЯ КИЕВСКАЯ И КОМПОНЕНТЫ ЕЁ АНСАМБЛЕЙ В XI ВЕКЕ.

В современной историографической литературе, а также в среде исследователей строительной деятельности Ярослава Мудрого, сложились определенные представления о градостроительной и пространственно-планировочной структуре Древнего Киева этого периода и, в частности, в планировочной схеме так называемого "города Ярослава".

Согласно этим представлениям все пространство верхнего города, освоенное в XI в., представляло собой территорию "поля вне града" пересеченную проходящими под прямым углом городскими магистралями, на пересечении которых размещалась главная городская площадь. Одна из этих улиц соединяла Золотые и Софийские ворота, а вторая – Львовские и Печерские. С западной стороны главная площадь замыкалась Софийским подворьем. К западу от Софийского собора располагались малые храмы, из которых с южной стороны находилась Ирининская церковь, в центре Георгиевский храм, а к северу располагалось неизвестное культовое сооружение, раскопанное В.В. Милеевым в начале XX века. Таким образом, согласно существующей концепции планировочная структура Верхнего Киева в XI веке имела ортогонально-центрическое композиционное решение с размещением главных функциональных, композиционных, идеологических и эстетических акцентов в центральной её части.

Однако проведенный детальный структурно-функциональный анализ пространственно-планировочных взаимосвязей главных архитектурных сооружений "города Ярослава" XI века позволил выявить иные композиционные закономерности застроенной Ярославом территории. Так было обнаружено, что размещение храмовых сооружений на местности производилось по определенным заранее разработанным правилам. Был определен единый планировочный модуль, согласно которому создавалась общая планировочная структура всего западного участка освоенной Ярославом территории. В результате анализа были выявлены два отдельных взаимопроникающих ансамблевых образования, несущих самостоятельные эстетические и идеологические нагрузки. Первый ансамбль состоял из Георгиевской и "Ирининской" церквей, расположенных по обе стороны дороги, идущей от Золотых ворот к

Софийским. Центральные акцент этого ансамбля играли Софийские ворота "города Владимира" и осевое расположение ведущей к ним дороги. Второй ансамбль состоял из расположенного в центре Софийского собора, двух, фланкирующих его по сторонам, храмов – Георгиевского и "милеевского" и расположенной к западу, главной городской площади. Одновременно с этим определились и направления главных городских улиц, которые, соединяли городские ворота с главной площадью, должны были проходить вдоль западной части городских укреплений параллельно линии малых храмов. Таким образом, как мы видим, все основные функциональные, планировочные, идеологические и эстетические акценты градостроительной структуры верхнего Киева в XI в. располагались не в центральной части территории, а на западном её участке и занимали пространство между Золотыми воротами и ансамблевыми группами храмов.

Из двух упомянутых выше ансамблей основным по объёмно-пространственному решению, а также по своему функциональному и идеологическому значению являлся ансамбль, состоящий из Софийского собора, двух малых храмов и главной городской площади. Однако если находившийся с его западной стороны храм известен – он посвящен св. Георгию – патрону Ярослава Мудрого, то храм, располагавшийся с северо-западной стороны, до сих пор оставался безымянным. Учитывая тот факт, что из четырех компонентов ансамбля три несут большие идеологические нагрузки, а также- принимая во внимание композиционное своеобразие расположения храмовых сооружений ансамбля при котором два равновеликих сооружения предостоят симметрично более значительному и по массе и по идеологическому значению сооружению, можно высказывать предположение, что неизвестная храмовая постройка по своей идеологической и смысловой нагрузке должна равняться стоявшему с противоположной стороны храму св. Георгия. Одновременно с этим, сопоставляя эти соображения с характером расположения действующих лиц в ктиторской композиции Софийского собора и расположением церкви св. Ирины к северо-западу от Константинопольской Софии, можно с уверенностью сказать, что неизвестное храмовое сооружение, раскопанное В.В. Милеевым в 1909 году, являлось церковью св. Ирины, жены Ярослава Мудрого, о которой говорить в летописи.

Таким образом, в результате всего вышеизложенного, ансамбль Софии Киевской в XI в. состоял из расположенного по центральной оси Софийского собора перед которым проходила западная стена подво-

рья с центральными входными воротами.

С южной и северной сторон располагались два меньшие по размеру храма, фланкировавшие Софийский собор и прикрывавшие юго-западный и северо-западный углы ограды – Георгиевский и Ирининский. Западнее триады храмов размещалась главная городская площадь, на которую выходили городские улицы, идущие от Львовских и Печерских городских ворот. Весь этот ансамбль создавался по единому замыслу, в один исторический период и был рассчитан на основное восприятие со стороны Золотых ворот и прилегающего участка территории.

Л.В. Колединский, Минск

ВТОРОЙ ГОРОД ЗЕМЛИ ПОЛОЦКОЙ /ВИТЕБСК X – НАЧ. XIV ВВ./

Летописный "Видбеск" /Витебск/ на страницах русских летописей упоминается в 1021 г. Местная летопись XVII в. относит дату основания города к 974 г. До нач. XI в. Витебск был в сфере владений киевских князей, затем стал собственностью полоцкого князя Всеслава Брючиславича. После его смерти в 1101 г. он достался одному из его сыновей державшему сторону минского князя Глеба. В сер. XII в. Витебск становится центром удельного княжества, где попеременно правят князья из полоцкого или смоленского дома. Соперничество за витебский стол завершилось битвой в 1196 г. под Витебском, где объединенные силы полоцких и черниговских князей – Ольговичей нанесли поражение смоленской рати. В нач. XIII в. наблюдается сближение Витебска с Владимиро-Суздальским княжеством, которое закрепилось браком Александра Ярославича /Невского/ с дочерью полоцкого князя. Результатом этой политики явилась совместная борьба полочан, витеблян и новгородцев против иноземных захватчиков в XIII в. Со второй пол. XIII в. Витебск вслед за Полоцком постепенно переходит под влияние литовских князей, а в нач. XIV в. был включен в состав Великого княжества Литовского.

Древнейшая часть Витебска находится в устье Витьбы и Зап. Двины. Первоначальный детинец располагался на балтском городище занимая площадь 0,7 га. В начале XII в., с выделением Витебска в удельное княжество, его детинец увеличивается до 4 га. С востока и юга детинец был окружен посадом превосходящим его по площади в 1,5 – 2 раза.

Древнерусский Витебск имел облик подобный ряду восточнославянских городов того времени: Полоцку, Минску и др. Оборонительную систему детинца составлял глинисто-песчаный вал шириной у основания 20 – 25 м, высотой 8 м армированный деревянной субструкцией в перекладной технике. В нач. XIV в. по гребню этого вала прошла каменная стена возведенная при Ольгерде Гедиминовиче. Основу планировки средневекового Витебска составляли уличные мостовые, которые Настилялись из досок, плах и бревен на лаги. Их ширина была до 2 м. Мостовые периодически обновлялись. Раскопками вскрыто до 7 ярусов таких мостовых. Вдоль улиц располагались усадьбы горожан размежеванные

чastoколами. Усадьба XIII – XIV вв. состояла из жилища и 3–4 хозяйственных построек. Жилища рублены из сосновых бревен толщиной 18 – 20 см в верхнее обло с небольшим остатком. Площадь жилищ XII–XIII вв. была 16–25 кв.м. Печи в жилищах глинобитные на столбовом опечке. Хозяйственные постройки – клетки и хлева были меньшей площадью. Они сооружались в срубной и столбовой технике. Почти все постройки имели добротные сооруженные полы. Крыши были двухскатные, покрытие тесовое.

Бытовая культура Витебска этого времени также близка ряду древнерусских городов X – XIII вв. Значительная часть домашней утвари /Бондарная и столовая посуда, ложки, гребни и т.д./, транспортные средства /сани, телеги, лодки/ делались из дерева. Кухонная посуда /горшки, латки, сковородки/ были глиняные. Обувь /поршни, башмаки, сапоги/, шорные изделия изготавливались из кожи. Костяными были пуговицы, разного рода накладки, гребни. Из камня делались жернова и точильные бруски. Предметы вооружения и снаряжения всадника, орудия труда и скобяные изделия /замки, ключи/ из железа. Украшения из цветного металла, янтаря, стекла. Археологический материал свидетельствует о занятии жителей Витебска ремеслом, сельским хозяйством, домашними и подсобными промыслами, торговлей. Последняя велась и с отдаленными землями: Прибалтикой, Северным Причерноморьем и Кавказом, Сирией и Египтом. О высоком уровне духовной культуры говорят находки шашек и шахмат, предметов с надписями и буквенными метками. В Витебске найдена первая на территории Белоруссии берестяная грамота. В XII в. в Витебске сложилась своя традиция каменного зодчества.

Древнерусский Витебск являлся важным политическим, экономическим и культурным пунктом на Западновинском торговом пути, уступая по своей значимости лишь Полоцку.

А.И. Кушнир, Минск

И.В. Чаквин, Минск

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ X – XIII ВВ.

В историографии этногенеза и этнической истории восточных славян VI–XIII вв. проблема происхождения полочан занимает особое положение. Одни исследователи считают летописных полочан местной ветвью кривичского союза племен /М.Довнар-Запольский, В. Пичета, П. Третьяков, Г. Дебец, М. Гринблат, В. Седов и др./, другие – самостоятельной восточнославянской этнической группировкой /П. Голубовский, И. Беляев, Д. Мачинский/. Существует также мнение, что полочане возникли в результате смешения кривичей с дреговичами в к XIV в. представляли собой "локальный этнос" – первый прообраз белорусов /М. Ермалович/. Определенный интерес в этой связи представляет изучение палеоантропологических материалов, которые отражают древние генетические связи различных групп населения региона и подчиняясь биосоциальным закономерностям развития не всегда /и особенно в эпоху раннего феодализма/ жестко коррелировали с военно-политическими и этнокультурными отношениями.

Сравнительный анализ палеоантропологических материалов с территории Полоцкой земли впервые был проведен Г.Ф. Дебецем /1932 г./, который обследовал 29 мужских черепов "полоцких кривичей", пришел к выводу об отсутствии реальной разницы между ними, с одной стороны, и дреговичами и радимичами, – с другой. Основное различие он видел, главным образом в широтных размерах лица. Данные Г.Ф. Дебеца были использованы и уточнены Т.И. Алексеевой, которая выделила особый средневековый восточнославянский антропологический комплекс – долихокранный, относительно широколицый, присущий полочанам и вольнянам /скуловой диаметр 134,4 – 135,6 мм/. Для дреговичей, радимичей, северян и смоленских кривичей был характерен, по её данным, долихокранный среднелицкий тип /скуловой диаметр 130,5 – 132,8 мм/.

Накопленный за последние годы новый палеоантропологический материал с территории Полоцкой земли X – XIII вв. /28 мужских черепов из раскопок Г.В. Штыхова, Ю.А. Заяц, Л.В. Дучиц/ позволяет несколько уточнить представление об антропологическом типе населения данного региона. Сопоставление краниометрических параметров новой серии с данными Г.Ф. Дебеца показывает их значительное сходство по основным расоводиагностическим признакам, исключая скуловой диаметр /131,5/, который сближает новую серию с сериями дреговичей, радимичей, севе-

рян, смоленских кривичей, которые исследовала Г.И. Алексеева. В целом объединенная краниологическая серия Полоцкой земли /57 черепов/ стала характеризоваться усредненной величиной скулового диаметра /133,6 мм/ при почти неизменных размерах продольного /189,2 мм/ и поперечного /138,1/ диаметров черепа, что позволяет включить полочан в одну группу со смоленскими кривичами, дреговичами и радимичами, которые представляли долихокранный среднелицкий тип, в среде восточных славян X – XIII вв. Территориально-географическая группировка новых краниологических материалов по этно-контактным зонам – с латгалами на северо-западе, смоленскими кривичами на северо-востоке и дреговичами на юге Полоцкой земли показала значительное межгрупповое расхождение, свидетельствующее о гетерогенности средневековых полочан. Так, население южного пограничья Полоцкой земли /Заславль, Менка, Нелядовичи, Соломеречье, Борисов, Дудовка/ в значительной степени сближается с дреговичским палеоантропологическим комплексом, по численности исследованных материалов составляет более 60% всей краниологической коллекции как по Г.Ф. Дебецу, так и по новой серии.

Краниометрические параметры по остальным территориальным группам Полоцкой земли в значительной степени мозаичны и не выявляют тенденции тяготения к антропологическим комплексам соседей /латгалов или смоленских кривичей/. Например, центральная группа /Домжерицы, Закурье, Новинки, Гровявица/ отличается от смоленских кривичей более массивными размерами черепа и прежде всего продольным и поперечным диаметрами. В тоже время контактная с латгалами северо-западная территориальная группа /Кузьмовщина, Махировка, Лесное, Абрамово/ по своим показателям отличается от антропологического комплекса своих соседей меньшими продольными и поперечными диаметрами черепа и тяготеет к морфологическому облику южной группы полочанско-дреговичского пограничья. Территориальная группа из центральных районов Полоцкой земли /Домжерицы, Дроздово, Взносное/ также ближе всего стоит к антропологическому комплексу дреговичей.

Таким образом, в морфологическом отношении к населению Полоцкой земли X – XIII вв. более близкими по антропологическим признакам оказываются жители древних дреговичских земель, что позволяет предположить их значительное участие в этногенезе южных и частично центральных групп. Какого-либо иного значительного этнически четко интерпретируемого комплекса антропологических особенностей в Полоцкой земле по имеющимся в настоящее время в научном обороте материалам не фиксируется. Наблюдаемая в северных и центральных регионах мозаичная пестрота антропологических показателей пока может свидетельствовать

только о гетерогенности не вполне репрезентативных хронологических серий по 5 – 12 единиц. Наполнение палеоантропологических коллекций новыми находками с северных и центральных районов Полоцкой земли X – XIII вв., поможет в дальнейшем раскрыть проблему этногенезе полочан в более полном объёме.

О.Н. Левко, Минск

РОЛЬ ВИТЕБСКА В ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ В БЕЛОРУССКОМ ПОДВИНЬЕ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА.

Одним из видных городов на территории Белоруссии в эпоху феодализма был Витебск. Этому в немалой степени способствовало его выгодное географическое положение на одной из важнейших водных магистралей – р. Зап. Двине. Будучи окраинным городом Полоцкой земли на ранней стадии своего существования, Витебск имел выходы на Смоленщину, Псковщину, Новгородчину. В то же время, Витебск как и Полоцк, поддерживал активные связи с южными регионами, а в эпоху развитого и позднего феодализма тесно контактировал со странами Западной Европы. В течение X – XVIII вв. Витебск становится центром волости, затем удельного княжества, земли и, наконец, воеводства. Ширятся подсудные Витебску земельные владения, формируется и развивается внутренний рынок, город постоянно находится в сфере международного торгового права.

Организация торговли на территории Белорусского Подвинья в эпоху феодализма в той или иной мере касались в своих работах как дореволюционные исследователи, так и советские историки. Однако, до сих пор не были предметом специального изучения вопросы организации торговли Витебска – одного из основных партнеров этого региона на протяжении всей эпохи феодализма. Анализ многочисленных письменных источников разного характера, нумизматических и археологических материалов позволил прийти к следующим выводам:

На протяжении X – XI вв. Витебск, являвшийся волостным центром, видимо, находился в той стадии экономического и политического развития, когда не мог ещё претендовать на сколько-нибудь самостоятельную роль в формировании Двинского торгового пути. Кроме того, сам этот путь еще не обладал необходимыми атрибутами международного торгового права и не был включен официально в систему международных торговых маршрутов.

Конец XII – первая треть XIII вв. – время официального признания Двинского торгового пути, выработки первых договоров и определения основных партнеров западнодвинского бассейна, в т.ч. и Витебска, в качестве контрагентов западноевропейского купечества.

XIII – первая половина XIV вв. характеризуются совершенствованием торгового права в западнодвинском бассейне, постепенным выдвиганием на первые роли в торговом обмене между западом и востоком Риги и По-

лоцка. Основные виды экспорта; воск и пушнина.

4. Конец XIV – первая половина XV вв. – утверждение Полоцка в качестве ведущего торгового пункта белорусского Подвинья с западно-европейскими странами. Начальный этап в организации внутренней торговли. Ориентация Витебска на торговлю с русскими землями /Гверской, Новгородской/.

5. Вторая половина XV в. характеризуется дальнейшим совершенствованием внутренней торговли, о чём свидетельствует концентрация экспортных и повседневного пользования товаров из округи в городских центрах /Полоцк, Витебск/. В этот период происходят изменения в номенклатуре экспорта. На первое место вместо воска выдвигается лес и лесные материалы, продукты с/хозяйства. К торговле активно подключаются представители феодальной знати.

6. Весь XVI в. был временем постепенного усиления Витебска как торгового центра, чему способствовали внешнеполитические обстоятельства и экономическая политика великокняжеской власти. В данный период достаточно четко определяется радиус внутреннего рынка Витебска. В самом канце XVI в. Витебск получает ряд существенных льгот для торговли в соответствии с полученным Магдебургским правом /1597 г./.

В XVII – XVIII вв. Витебск является ведущим торговым центром белорусского Подвинья с обширным географическим районом связи.

На протяжении всего феодального периода экспорт преобладает над импортом, что способствует значительному обогащению торгового населения, созданию торговых компаний, торговых домов, объединившихся в 1738 г. в Витебскую купеческую Думу с развитым торговым уставом.

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО ПОЛОЦКА XVI – XVIII ВВ.

Хрестоматийным стало имя полоцкого ювелира Лазаря Богши, изготовившего крест Евфросинии Полоцкой в 1161 г. По мнению Макаровой Т.И. мастерство Лазаря Богши может "считаться вершиной русского эмальерного искусства" (Перегородчатые эмали Древней Руси, 1975 г.). Сведения об изделиях полоцких мастеров-серебрянников рассеяны по многочисленным трудам археологов, историков, краеведов, этнографов (Сапунова А.П., Сементовского А.М., Довгяло Д.И., Крачковского Ю.Ф., Алексеева Л.В., Штыхова Г.В. и др.). Часть архивных документов по истории ремесел Полоцка опубликована в археографических источниках XIX в. Но большая часть архивных материалов не опубликована и пока мало изучена. Завещания магнатов, шляхты, мещан, инвентари церквей и костелов наполнены сведениями о ювелирных изделиях напр.: ЦГИА БССР, ф.ф.: 136, 1430, 1781, 1798, 2505, 2562, 2617, 2763, 3245 и др.

В настоящем сообщении рассматривается лишь одна группа памятников ювелирного искусства XVI – XVIII вв. – культовые предметы: оклады икон и книг, литургические сосуды – на основе архивных сообщений и ряда сохранившихся изделий, выявленных экспедициями сектора древне белорусской культуры ИИЭФ АН БССР в 1972, 1977, 1979, 1984 гг. Следует заметить, что иконы и церковная утварь неслучайно назывались "церковной казной", именно она, в первую очередь, обеспечивала выплату контрибуции и являлась объектом военной добычи в многочисленных феодальных войнах XVI – XVII вв. Военные донесения и воспоминания современников позволяют получить информацию о некоторых памятниках изобразительного и декоративного искусства, их сюжетном разнообразии. Например, обширный список "церковной казны, взятой с посаду" и привезенной из полоцкого уезда, приводится в донесении боярина В.П. Шуиского, направленном в 1655 г. царю Алексею Михайловичу (Витебская старина, т. IV, ч. 2).

На основании этих и многих других документов можно считать несомненным факт существования устойчивой традиции – украшать окладами иконы и евангелия. Вероятнее всего, большая часть "драгоценностей церковной казны" изготавливалась местными мастерами. Основанный в 1601 г. полоцкий цех "металлистов" объединял кузнецов, котельщиков, слесарей, мечников и "золотых дел мастеров". По нашим оценкам в середине XVII в. в Полоцке работало около двух десятков

серебрянников. Большая часть из них была вывезена в Москву по указу Алексея Михайловича (1654 – 1667 гг.) – Андреев Иван, Мандрыкин Степан, Яковлевы Михаил и Семен и др. По документам Оружейной палаты известно, что Андреев Иван "сделал для царевича Петра Алексеевича серебрянный умывальник, отделанный финифтью"; Яковлев Семен был в Москве "мастером скорых ковчежных дел".

Если до середины XVII в. полоцкое ювелирное искусство развивалось на основе местной традиции, ориентируясь на византийское и древнерусское искусство, то после 1667 г. ювелирное дело в Полоцке вступило в следующий этап своего развития, на котором значительную роль играла его связь со столицей Великого княжества Литовского – Вильней, крупным культурным и ремесленным центром. Анализируя архивные сведения, приведенные в работе Б. Лопатинского (Материалы по истории искусства и культуры, вып. 5, 1946, можно отметить следующее: выходцы из Полоцка обучались ювелирному делу в Вильне с 1667 по 1730гг.; за этот период там прошли обучение 17 учеников– 14 из Полоцка, 2 из Дисны, 1 из Глубокого; 14 учеников далее в виленских цеховых книгах не упоминаются, вероятно, они вернулись в Полоцк и далее работали в составе обновленного цеха "металлистов". Трое полочан – Троянский Василий, Шиш Василий, Снитка Григорий – работали в качестве товарищей мастера, затем – мастеров, и даже – цехмистров цеха "злотников" в Вильне; за время своей продолжительной творческой деятельности им удалось обучить значительное количество учеников из многих городов Белоруссии, при этом отчетливо прослеживается тенденция обучения учеников-земляков мастера.

В дальнейшем до середины XIX в. в Полоцке работали в среднем 5 ювелиров. Таким образом, можно с уверенностью говорить о значительности Полоцкого центра ювелирного производства; о непрерывности существования этого центра от момента его зарождения вплоть до XIX века.

К сожалению, связать имена мастеров с сохранившимися памятниками Полоцкого ювелирного искусства пока невозможно. От XVI в. известен лишь один сохранившийся памятник, от XVII в. – группа предметов, датируемых по стилистическим признакам. Наиболее многочисленны изделия XVIII в., среди них – оклад иконы "Богоматерь Смоленская", изготовленный в 1774 г. Петром Слижигом.

Н.Н. Никитенко, Киев

К ВОПРОСАМ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА И ДАТИРОВКИ
СОФИИ КИЕВСКОЙ.

При решении спорных в науке вопросов авторского права и датировки Софии Киевской нужно учитывать общую концепцию ее декоративного ансамбля. Она прослеживается через сопоставление сюжетов росписи собора с древнерусской историей и литературой. За основу сопоставления взят принцип символического соответствия, как один из главных в средневековом мировоззрении. В росписи ясно читается тема крещения Руси, несущая в себе идею прославления её христианизаторов. Так, в мозаику "Святительский чин" введены фигуры патрона Владимира Святославича – Василия Великого, а также Епифания Кипрского и папы Римского Климента, что связано с прославлением деяний Владимира по христианизации Руси и созданием Десятинной церкви и установлением первого национального культа Климента. Тема крещения Руси предопределила включение в христологический цикл редкого сюжета – "Отослание учеников на проповедь", а также своеобразии посвящения и росписи приделов. Южный придел посвящен архангелу Михаилу, который рассматривался как пособник христианам в борьбе с неверными. Две основные сцены – "Единоборство с Иаковым" и "Низвержение сатаны" – здесь вынесены на виму; они являются ключевыми ко всему циклу придела, преобразовывая принятие Владимиром христианства. Остальные фрески цикла образуют символические параллели с зафиксированными в древнерусской письменности событиями христианизации Руси. Северный придел посвящен великомученику Георгию, где две главные сцены – "Царица Александра признает в Георгии праведника" и "Георгий пред царем исповедует бога христиан" – также размещены на виме. Северная половина храма считалась "женской", поэтому допустимо, что фрески этого придела, воплощающие в себе идею подвига во имя веры, прославляют деятельность жены Владимира Анны. Звучание идеи усиливают единоличные фрески нефа, изображающие мученицу в царских одеждах и трех отроков-мучеников /сюжет повторяется в центральном нефе рядом с изображением женской половины княжеской семьи и на северных хорах, где находилась княгиня со свитой/. С христианизаторами Руси связано посвящение диаконника Иоакиму и Анне, на что указывает название придела и иконографический состав его протоевангельского цикла, акцентирующего темы благовещения, обручения и "божественного" предназначения. Такую связь подтвер-

ждает подбор единоличных фресок нефа, где неписаны св. Константин Великий, Евстафий Плакида, Елена и Анна – прототипы Владимира и Анны. Жертвенник посвящен апостолу Петру, который считался основателем земной церкви. Здесь развернуты сцены его деяний, причем центральное место занимают эпизоды в доме сотника Корнилия, иллюстрирующие миссионерскую деятельность Петра среди язычников. У входа в жертвенник – изображение Иоанна Крестителя, на столбах нефа – Петра и Павла, Аарона – главы ветхозаветной иерархии при Моисее /Моисей – прообраз Владимира/. Очевидно, роспись жертвенника и его нефа прославляет первого киевского митрополита как христианизатора Руси. В центре "мужской" половины княжеских хор – фигура прототипа Владимира царя Езекии. Концептуальность идейно-декоративного замысла проявилась и в надписи над конхой центральной апсиды собора, в иносказательной форме прославлявшей христианизированную Русь. Даже посвящение в роспись крещальни, встроенной в западную галерею в XII в., решены в русле первоначального замысла; она посвящена Василию Великому, написанному под её канхой, в которой расположена сцена "Крещение". Прославление в росписи собора христианизаторов Руси указывает на возникновение его замысла при Владимире и, следовательно, на датировку памятника ранним XI в. Эта датировка подтверждается "Словом о законе и благодати" Илариона, характеризующим Софию как широко известную церковь. Само "Слово", написанное на два евангельских текста, читаемых в первый день Пасхи и на Благовещение, можно датировать 1022 г., так как при Ярославе совпадение этих двух праздников произошло лишь 1022 г.

М.М. Никитенко, Киев

Е.И. Осадчий, Киев

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД В Г. ИЗЯСЛАВЛЕ ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ.

Проблема идентификации древнерусского Изяславля, как и некоторых других летописных городов, является до сих пор предметом научных споров. Определенную роль в её решении может сыграть открытие древнерусского городища в г. Изяславле Шепетовского района Хмельницкой области. Оно располагалось на возвышающемся на 10 – 15 м над поймой Горыни и впадающей в неё здесь рекой Сошна останце площадью 2,5 га, отделенном от напольной северной стороны глубоким оврагом. Верхняя площадка останца /около 1,5 га/ полого спускается к западу, к пойме Сошны. Овраг у восточного края останца соединяется со стариком Горыни, пологие берега которого в этом месте удобны для переправы.

Культурный древнерусский слой мощностью до 0,65 м четко фиксируется с южной стороны останца на глубине 1,6 – 1,7 м от современной поверхности, постепенно поднимаясь к северу и востоку, где он был уничтожен во время планировки останца. В слое кроме многочисленных фрагментов керамики XII – середины XIII вв. найдены боевой топор, шпоры, наконечники стрел, замок, ключ, кусок крицы, железный шлак, фрагмент бронзовой заготовки, стеклянные браслеты и куски шлака, глиняное пряслице и фрагменты тонких керамических кирпичей /18,5x13,5x2,7; 19,0x15,3x4 см/. Часть находок происходит из трех частично сохранившихся жилищ-полуземлянок, открытых в небольших раскопах с южной стороны останца. Особо отметим свинцовую шайбовидную, сужающуюся к центру гирьку, диаметром 2,9 см, толщиной 7 мм, с пятью и семью углублениями на плоскостях /расположены симметрично у края, одно – в центре/. Вес гирьки 39,36 гр., что соответствует 12 кратному весу 3,28 гр.

Материал свидетельствует о "городском" характере культурного слоя, т.е. о существовании на останце в XII – середине XIII вв. городского ремесленного центра с местным металлургическим, стеклоделательным и керамическим производством, который возник на древнем торговом пути в Киев между летописными городами Щумск и Полонное. Древнерусский культурный слой /значительно беднее и небольшой мощности – до 0,3 м/ прослеживался северо-восточнее останца на высоком левом коренном берегу Горыни.

Выше древнерусского слоя на останце прослеживался слой с темно-серой, сильно профилированной в верхней части керамикой /оттянутые тонкие волнообразные валики под краем венчика/, относящиеся к т.н. литовскому времени. Над ним отмечались находки познесредневековой керамики.

Местонахождение открытого города на оживленном торговом пути на месте переправы через Горынь ставит его в один ранг по значимости с известными городами-соседями Шумск и Полонное. Несомненно, название этого города должно было быть упомянуто в ряду тех городов, которые пережили трагические события середины XIII в.

Л.Д. Поболь, Минск

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ И СЛАВЯНЕ.

1. Полоцкая земля, также как Киевская, Новгородская, сформировалась в определенных исторических условиях развития славянских племенных объединений. Своими корнями они уходят в глубокую древность различных периодов железного века. В вопросах их генезиса много спорных и дискуссионных положений. Под 662 годом в древнерусской летописи зафиксированы их центры-города Киев, Новгород, Полоцк. Кроме их известны и некоторые другие города. Полоцкая земля в основном занимает земли западных пределов кривичей /полочан/ и северного региона дреговичей. В процессе интеграционных связей образовалось единое и мощное государство восточных славян – Древняя Русь. В нее были включены и иные в этническом отношении соседние группы племен. История Полоцкой земли и самого города Полоцка должна рассматриваться на фоне всего древнерусского государства.

2. Славянские города в Восточной Европе образовались на несколько столетий раньше, чем, например, в Прибалтике, которые, как это хорошо известно, возникли в XIII – XIV вв. Формирование древнерусских земель и их городов /последних только в пределах БССР в домонгольский период насчитывается до четырех десятков/ связано в первую очередь со сложными внутренними социально-хозяйственными, этнокультурными, экономико-политическими и многогранными иными процессами. Письменные и археологические источники не свидетельствуют, что Полоцк и иные ранние города возникли в силу, каких-то внешних факторов. Варяжские древности в пределах Полоцкой земли, также как и в целом в БССР, практически не встречаются ни в каких видах археологических памятников периода разложения первоботнообщинного строя и эпохи раннего классового общества.

3. Историография о заселении славянами Восточной Европы, в том числе и Полоцкой земли по историческим данным, нуждается в серьезных критических разборах и анализах. В отношении племен днепро-двинской и штрихованой керамики культур VI – IV вв. до н. э. – I – II вв. н. э. в работах В.В. Седова, А.Г. Митрофанова и некоторых других однозначно утверждается балтийская принадлежность, хотя их этническая атрибуция значительно сложнее. Решающей основой в формировании Полоцкой земли, так же и названных выше земель, являлся во всей своей широте

восточно-славянский этнический массив. Комплексные летописные и археологические источники свидетельствуют, что иные в этническом отношении племена занимали соседние территории. Хотя определенная часть балтов, угро-финнов и возможно ИНЫХ этнических групп могли входить в пределы данной земли. Даже некоторые полоцкие города возникли в нижней части Западной Двины.

Археологические данные свидетельствуют, что объединяющим элементом всех восточных славян являлся позднезарубинецкий массив. Черты данной культуры четко прослеживаются почти во всех пределах культур днепро-двинской и штрихованной керамики. В Полоцкой земле это прослеживается на многочисленных памятниках, в том числе в материалах нижних слоев Верхнего Замка в Полоцке: до сооружения укрепления имелось селище и на его территории во время полевых изысканий Г.В. Штыхов выявил типичную, по своему облику позднезарубинецкую керамику /II – V вв. н. э./ . Эти находки напоминают собой также вещи в Абидно, Тайманове Быховского района Могилевской области и всего Поднепровья. Позднезарубинецкие изделия обнаружены на селищах в Бельчицах /южная окраина Полоцка/, Рудне Полоцкого р-на /раскопки А.Н. Лявданского/, при исследованиях Г.В. Штыхова в Россонском р-не. В 1986 г. также материалы были выявлены О.Н. Левко в Городокском р-не, автором в Оршанском р-не и в других местах. В пределах данного региона найдены римские монеты – датирующие материалы в Прудниках, Друе, возле Дисны, на Оршанщине. В ряде мест обнаружены позднезарубинецкие эмали с чертами римского влияния: Красный Бор Логойского р-на, Лукомль и др.

Глубоко заблуждаются археологи В.В. Седов, К.Г. Митрофанов и некоторые присоединявшиеся к ним, которые не видят, что в Полоцкой земле и на соседних пространствах хронологически между древностями культуры днепро-двинской и штрихованной керамики раннего железного века и более поздней банцеровской /VI – IX вв./ четко выделяются памятники с чертами позднего этапа зарубинецкого типа. Ими ошибочно доводилась хронология культур раннего железного века до середины I тыс. н. э. и вопреки здравому смыслу последние связывались с банцеровской. По всем этим и другим вопросам глубоко ошибочное и научно не состоятельная рецензия К.Г. Митрофанова /журнал "Советская археология", 1986, № I/ на работу автора /Л.Д. Поболь. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мн., 1983, И-во "Наука и техника"/ На материалах конкретных вещественных источников четко прослеживается что позднезарубинецкий археолого-культурный

пласт по существу занимает пространство больших территорий лесной и лесостепной зон Восточной Европы. И в основном, на этой этнической базе сложились восточнославянские археологические культуры и летописные союзы племен. Частью этой единой раннеклассовой державы являлась Полоцкая земля с центром в Полоцке, 1125-летие которого в 1987 году отмечает наш народ. Его дата по археологическим источникам /как и Киева/ – не менее 1500 лет.

А.М. Подлипский, Витебск

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ ПОЛОЦКА.

Дореволюционные видовые открытки являются интересными документальными памятниками истории. В настоящее время они относительно редки, представляют большой интерес не только для коллекционеров и краеведов, но и историков, архитекторов, реставраторов, музейных работников. Особенно интересны для жителей Белоруссии почтовые карточки начала века, так как за прошедшие десятилетия облик городов значительно изменился.

Открытые письма появились в 1869 г. в Австро-Венгрии. Через три года они были выпущены в России. В конце 1894 г. право на издание открыток в стране было предоставлено частным лицам.

Первые почтовые открытки с видами Полоцка появились в начале XX века. Старейшие из них изданы Ф. Гёлером из Дрездена и Ш. Гоффеншефером из Полоцка. Как и все выпуски того времени, они были оформлены под влиянием западно-европейских изданий. Иллюстрации занимали часть, лицевой стороны. Здесь же делались и письменные сообщения. Обратная сторона предназначалась для написания адреса и почтовой марки. Надписи выполнялись на французском, английском, немецком и русском языках.

Старейшая почтовая карточка Полоцка, имеющаяся в коллекции автора, издана, судя по почтовому штемпелю, не позднее 1903 г. Ф. Гёлером.

Наиболее распространенные карточки с видами Полоцка выпущены известным книжным издательством А. Суворина. В 1910 – 1917 гг. оно выпускало сотни открыток с видами многих городов России, в том числе и Белорусских городов – Витебска, Минска, Могилева, Орши, Молодечно и др. Печатались они в не менее известной типографии Шерера и Набгольца /Москва/.

Открытки Полоцка выпущены контрагентством А. Суворина и К^О в 1915 – 1917 гг. тремя сериями. В одной из них насчитывается не менее 19 карточек, не каждой из которых указано изображаемое место, город, порядковый номер карточки в серии и год выпуска. Другая серия отличается только отсутствием номера. Третья выдана анонимно. На лицевой стороне её указано только изображаемое место и город. Суворинские открытки Полоцка не отличаются разнообразием сюжетов. Объектом его внимания стали памятники старины – Софийский и Николаевский соборы, замок иезуитов, кадетский корпус, Крестовоздвиженская, Спасо-Преображенская и Богоявленская церкви, Спасо-Евфросиньевский

монастырь. Интересны карточки с изображением Нижне-Покровской, Витебской и Спасской улиц, женской гимназии, мостов через Западную Двину и Полоту, памятника 1812 г., костёла, каланчи.

Заслуживает внимание и сравнительно небольшая серия /10 – 12 карточек/, изданная Х. Цветковым /Москва/. В ней хорошо показаны железнодорожная станция, Софийский собор, Витебская улица, Спасо-Преображенская церковь и Спасо-Евфросиньевский монастырь. Открытки выпускались не только черно-белые, но и цветные /раскрашенные/.

Полоцкие издатели карточек М. Лившиц, Ш. Гофеншефер и Л. Рафайлович являлись содержателями книжных и писчебумажных магазинов. Они подготовили и выпустили около двух десятков небольших серий. По своей тематике открытые письма в большинстве своем повторяли одни и те же вышеназванные виды, правда, иногда с разных точек. В этом отношении гораздо интереснее открытки нескольких немецких издателей – Ф. Гёлера /Дрезден/, Ф. Краускопфе /Кенигсберг/ и Г. Штике /Берлин/. На них показаны не только общие планы и отдельные здания, но и люди, идущие по улицам города, рынок, замёрзшая Двина с санями, запряженными лошадьми. Любопытная открытка выпущена в 1903 – 1905 гг. неизвестным издателем. На ней сверху помещено изображение правобережной части города, Софийский собор, Кадетский корпус, а внизу помещены стихотворные строчки:

У Двины и Полоты
Стоит Полоцк-город:
Посети его и ты,
Сразу станешь молод.

Наличие дореволюционных открыток Полоцка в собраниях коллекционеров и в фондах Полоцкого историко-археологического заповедника дают основание считать, что издано их было не менее 200 – 250 видов.

ПОЛОЦК В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА.

Средневековый город на берегу Западной Двины при устье Полоты, являясь столицей Полоцкого княжества, в XI – XIII вв. был также одним из значительных культурных центров Восточной Европы. В отличие от других княжеских столиц Древней Руси, Полоцк, окончательно обособившийся от Киева уже в первой половине XII в., рано проявил самостоятельность и в развитии различных отраслей искусства. Этому способствовали местные условия, а также династические связи полоцких князей, сохранивших реальную власть и в период активной деятельности веча. Основным источником представлений об искусстве древнего Полоцка служат материалы археологических исследований /А.Н. Лявданского, Л.В.Алексеева, М.К.Каргера, Г.В. Штыхова, П.А. Раппопорта, В.А. Булкина и др./

Наиболее последовательно прослеживается развитие художественного ремесла, прежде всего литейного и ювелирного дела. В находках также представлены изделия из дерева, кости, стекла, камня и янтаря. Типология и орнаментика вещей позволяют судить как о генезисе художественных форм, так и об эстетических вкусах различных социальных слоев древнего Полоцка. Наряду с изделиями местных мастеров обращались также произведения Художественного импорта, приводимые из Киева, Причерноморья, Византии: по-видимому, проникала и продукция с Запада. В целом Художественное ремесло Полоцка XI – XIII вв. обладает теми признаками, которые характерны для древнерусских ремесленных изделий вообще, но в то же время могут быть выделены локальные черты.

Полоцкое зодчество представлено остатками деревянных конструкций застройки густонаселенных в древности участков Верхнего Замка монументальными сооружениями XI – XII вв. Древнейшее среди них – Сафийский собор, возведенный киевскими мастерами в середине XI в. /пятинефный храм, первоначально с семью главами/. В XII в. в Полоцке существует уже своя архитектурная школа, сложившаяся на основе традиций зодчества Киевской Руси. Её наиболее ранний памятник - Большой собор Бельчицкого монастыря /1120 – 1130-е гг./, напоминающей в плане церковь Спаса на Берестове /но без лестничной башни и крещальни/, Этапными сооружениями являются храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре и церковь на Нижнем Замке. Наиболее яркой и

законченной в композиционном отношении явилась Спасская церковь в Евфросиньевском монастыре, возведенная зодчим Иваном /1150-е гг./

Разработка типа столпообразного храма продолжается в полоцком зодчестве и во второй половине XII в. В частности, княжеская церковь в детинце явилась образцом для Смоленской церкви архангела Михаила. Значение полоцкого зодчества в радикальной перестройке композиция храма, унаследованной от Византии, становится очевидным при сопоставлении вариантов, характерных для архитектуры других русских земель.

Монументальная живопись Полоцка XI – XII вв. скорее угадывается, чем прослеживается. Фресками был украшен интерьер Софийского собора, но от них уцелели лишь фрагменты, указывающие на изысканный колорит. Стенописи храмов Бельчицкого монастыря /XII в./, особенно Пятницкой церкви, были интересны своими иконографическими особенностями, сблизившими их с балканскими памятниками. На эти связи еще более явные и определенные указания дают частично раскрытые фрески Спасской церкви в Евфросиньевском монастыре, иконография и стиль которых имеют соответствия с позднекомниновскими росписями Македонии, не исключая участия в работе здесь византийских мастеров. Фресками были украшены все известные древние полоцкие храмы. Об этом говорят остатки живописи на фрагментах штукатурки. Однако они не позволяют ставить вопрос о характере творчества местных мастеров. Преждевременно делать выводы и относительно спасских фресок до их расчистки. Византинизирующий характер письма объясним культурной ориентацией основательницы монастыря.

При отсутствии памятников иконописи, созданных в Полоцке, некоторое представление об их сюжетах и иконографических схемах можно получить благодаря свинцовым вислым печатям XII – XIII вв., которые в ряде случаев являются также образцами искусства мелкой пластики, как и каменные рельефные иконки. Стеатитовый образок Константина и Елены /XII в./ выдвигает проблему усвоения романских художественных традиций. Это едва ли не самое прозападное произведение в древнерусской пластике. Своеобразной формой обработки камня являются изображения креста с сопроводительными надписями на "Борисовых камнях". Украшенный перегородчатой эмалью золотой крест Евфросинии Полоцкой, работы мастера Лазаря Богшы /1161 г./, свидетельствует о том, что находились в обиходе и исключительно ценные ювелирные изделия. Мы располагаем в основном случайными находками, не образующими единый ряд, часто в виде обломков. Полоцкое книгописание ру-

бежа XII – XIII вв. представляет пока единственная рукопись Евангелия апракоса /Ленинград, ГПБ, Погод. 12/, украшенная заставкой и киноварными инициалами, принадлежавшая Троицкому монастырю в Полоцке. Её текст написан уставом в два столбца, двумя почерками. Каллиграфические приёмы писцов с признаками локальной традиции.

Место Полоцка в истории древнерусского искусства трудно проследить в каждой из отраслей художественного творчества. Но в тех из них, в которых оно представлено сохранившимися памятниками, – выглядит достаточно своеобразным. Уже одно только зодчество XII в. отводит Полоцку исключительную роль в общерусском культурном процессе. О творчестве полоцких живописцев, каллиграфов, ремесленников XI – XIII вв. пока известно немного: лишь то, что сообщают их произведения.

М.В. Рождественская, Ленинград

ГОРОД И РЕКА /ПОЛОЦК И ЗАПАДНАЯ ДВИНА/ В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ".

1. Одной из актуальных задач исследования "Слова в полку Игореве" остается проблема его художественного своеобразия и жанровой интерпретации. /См. о значении этого аспекта изучения памятника мариалы "круглого стола" в журн. "Вопросы литературы", №9, 1985 г./.

Последнее десятилетие советскими и зарубежными учеными был сделан ряд важных наблюдений над художественной природой древнерусских текстов, позволяющих расширить наши представления о законах поэтики раннесредневековой русской литературы. Особое внимание приобретают исследования фольклорно-мифологической семантики некоторых образных мотивов "Слова о полку Игореве". /См. работы Н.С. Демковой, Д.С. Лихачева, Е.Е. Иванова, В.Н. Топорова, И. Кляйна, Б. Гаспарова/.

2. Мотивы города и реки в "Слове о полку Игореве", помимо историческо-географического, имеют поэтическое значение и выполняют важную жанрово-композиционную функцию. /Термин "мотив" понимается напротив в значении, применяемом М.Л. Гаспаровым в его статье о Мандельштаме: "За то, что я руки твои не сумел удержать..." Стихотворение "с отброшенным ключем"/.

Мотивы города и реки в "Слове" рассматриваются на художественно-образном уровне, связанном с объяснением жанра "Слова", данного акад. Д.С. Лихачевым как соединения на книжно-литературной основе двух жанров фольклора: плача и славы.

3. Политическое значение анализируемых мотивов подкрепляется примерами библейско-византийской традиции и многочисленными параллелями русского фольклора. Обрядовое исполнение произведений этих жанров /плача и славы/ связано в "Слове" с берегами рек и городскими стенами, Тема "плача города", отразившаяся в "Слове", имеет глубокую литературную традицию, требующую особого изучения.

4. В аспекте обозначенной проблемы Полоцк, Полоцкая земля, река Двина получают возможность более равностороннего толкования при анализе "Слова о полку Игореве", чем это делалось до сих пор. Географические названия "Слова" входят в систему поэтического переосмысления художественной интерпретации реальных событий. Рассмотрение конкретных названий на широком фоне фольклорно-мифологических представлений позволяет углубить наши сведения об образной системе "Слова о полку Игореве" и древнерусских раннесредневековых литературных текстов в целом.

Т.В. Рождественская, Ленинград

ПИСЬМЕННОСТЬ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ XI – XV вв. ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ.

1. Письменные памятники Полоцкой земли, в том числе, западнорусские летописи, грамоты, надписи на различных предметах материальной культуры, привлекали внимание ещё И.И. Срезневского, А.И. Соболевского, Е.Ф. Карского как с точки зрения развития общерусской письменно-литературной традиции, так и с точки зрения отражения ими языковых /диалектных/ фактов.

2. Археологические и реставрационные работы в Белоруссии, проведенные в последние годы, обогатили древнерусскую эпиграфику новыми памятниками, относящимися к древней Полоцкой земле, широкое распространение грамотности среди населения этой территории подтверждается многочисленными находками писал, надписей и знаков на пряслицах и фрагментах керамики.

3. Особый интерес представляет комплекс надписей и буквенных знаков на костях и пряслице, найденных при исследовании городища Масковичи /исследование Л.В. Дучиц, Е.А. Мельниковой/. Сосуществование в пределах одного комплекса скандинавских /рунических/ и славянских /кириллических/ знаков характеризует определенную социолингвистическую ситуацию среди населения этого городища и отражает важные аспекты скандинавско-славянского культурного этногенеза.

4. В конце прошлого века были обнаружены и первые древнерусские эпиграфические памятники в окрестностях г. Полоцка. "Борисовы камни", поставленные по княжескому заказу в голодные годы, выполняли охранительную функцию – предотвращение засухи. Молитвенные формулы надписей на этих камнях отражают контаминацию языческо-христианских представлений в народном сознании.

5. При исследовании В.А. Булкиным Софийского собора в Полоцке был обнаружен закладной камень с надписями 2-ой половины XI в. и 1-ой пол. XII в. Древнейшая надпись на этом камне содержит имена людей, причастных к строительству собора. Это обстоятельство характеризует социальную среду строителей артели.

6. К этому же комплексу памятников письменности относятся и многочисленные граффити, сохранившиеся на столбах и стенах ц. Спаса Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Тематически эти тексты соответствуют аналогичным текстам в киевском и новгородском Софий-

ких соборах. Они датируются рубежом XII – XIII – XV вв. Социальный состав авторов не ограничивается духовенством. Наличие фрагментов богослужебных текстов ставят вопрос о цитировании по памяти, о степени владения церковно-книжной культурой.

7. Анализ эпиграфических памятников Полоцкой земли XI – XV вв. в сопоставлении с памятниками книжной культуры как западнорусского, так и киевского и новгородского происхождения показывает, что в отношении графико-палеографических норм памятники Полоцкой письменности следуют киевским традициям. Вместе с тем среди этих текстов есть такие, в которых представлена наиболее ранняя фиксация диалектных явлений древнего Полоцко-Смоленского говора, который позже стал одним из компонентов в формировании старобелорусского литературно-письменного языка. Таким образом, можно говорить об устойчивой традиции письменной культуры на территории Белоруссии, имевшей плодотворное развитие на протяжении последующих столетий.

З.М. Сергеева, Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ.

Территория современного Верхнедвинского района Витебской области являлась частью коренных земель Полоцкого княжества и приграничной зоной с новгородско-псковскими и латгальскими землями. Археологические памятники района, относящиеся к концу I – началу II тысячелетия н. э., почти не исследовались и поэтому не имелось четкой картины этнического и культурно-экономического состояния населения этого региона. Начиная с 1973 г. в течение ряда сезонов отрядом Института археологии АН СССР были проведены разведочные и раскопные работы. Обследовано около 50 объектов, в основном курганные могильники. Раскопан 41 курган в 8 группах. Обнаружено два вида погребального обряда: трупосожжение и трупоположение. При обряде по способу кремации зафиксировано захоронение кальцинированных костей: 1/ в насыпи – в кучке /Игнаино, Сукали, Абрамово/ и в рассыпанном виде /Сукали/; 2/ на материке – принесенные с места сожжения и рассыпанные на подкурганной площадке /Любасна, Абрамово оставшиеся при сожжении на месте. Вещевых находок в курганах с трупосожжением не встречено. Отмечено сочетание ряда определенных внешних признаков курганов /размер и форма насыпи, характер вершины, очертания ровиков и др./ и обряда сожжения.

Курганы с трупосожжением по внешним признакам и обряду аналогичны памятникам третьей четверти и конца I тысячелетия н. э. юга Псковщины и Подвинья.

В раскопанных курганах с трупоположением обнаружены захоронения умерших на уровне горизонта и в подкурганной яме. Положение погребенных и вещевой материал характерны в основном для древнерусских курганных могильников начала II тысячелетия н. э. Но среди ранних погребений /конец X – первая половина XI вв. н. э./ выявлены некоторые балтские элементы, имеющие аналоги в латгальских древностях: восточная ориентировка, положение рук кистями к подбородку, отсутствие керамики, остатки головного убора из спиралек /Заширино, Денисенки/.

В курганах второй половины XI – XII вв. практически все захоронения совершены в подкурганых ямах с типично древнерусскими чертами в обряде и в наборе инвентаря.

Проведенные изучения курганных погребальных памятников на территории Верхнедвинского района показали, что в данном регионе в конце I – начале II тысячелетия н. э. проживало то же самое население, что и в бассейне р. Великой и в Подвинье, состоящее, по-видимому, из славян и славянизированных балтов, чьи черты прослеживаются в ранних курганах с труположением. Находки браслетообразных височных колец в курганах второй половины XI в. свидетельствуют о принадлежности населения полоцким кривичам.

Н.С. Серёгина, Ленинград

ПЕВЧЕСКИЙ ЦИКЛ О ЕВФРОСИНЬЕ ПОЛОЦКОЙ – ПАМЯТНИК
XII ВЕКА.

Древнее происхождение культа Евфросиньи Полоцкой до сих пор относилось к области гипотез. Житие Евфросиньи было известно в списках 2-ой половины XVI в.¹, служба – в списках 2 половины XVI и XVII вв.² И.И. Срезневский и В.О. Ключевский предполагали, что в основе текста жития лежит какой-то более древний источник.³ Недавно Е. Вороновой выявлены списки жития конца XV в., а также большое число списков XVI – XVII вв., проведен текстологический анализ памятника.

Нами обнаружен и атрибутирован список конца XII в. – ГПБ, Софийское собрание 9б, лл. 129 об. – 130, содержащий одну стихирю "Придьте, любомоудрнии...", нотированную знаменной нотацией. Кроме того, выявлены списки к. XVI – XVII вв., содержащие полную редакцию певческой части службы Евфросиньи Полоцкой⁴. Из имеющихся в сумме источников песнопений только два – позднего происхождения. Остальные – восемь стихир, седален, светилен, кондак, икос и канон должны быть отнесены к редакции XII в. на основании особенностей стиля и канонического состава древних служб. /Два поздних песнопения – стихира "Восия денесе..." и величание "Оублажаем тя..."/. Кроме того, тропарь "в тебе милости" упоминается, как заимствованный из службы на 11 сентября, Заголовок службы в списках XVI – XVII вв. единообразен: "22 мая... – в этот же день Евфросинии игумений Всемилоствиваго Спаса иж монастырь созда в богоспасаемом граде Полоцке в лета 6601".

Песнопения о Евфросинье Полоцкой интересны историческими реалиями – упоминанием "Давыда и Романа", Феодосия, в нескольких стихирах упоминается "полотский град", "князя русские", "русская земля". В каноне содержится историческая информация: "Князем сродником друг на друга дерзающе подъяти мечь возбранила еси, яко оружие обоюдоостро словесем божим устрадающем."

¹ Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб, 1882, стб 176-179;

² Барсуков Н.П. Источники .... стб.179.

³ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 262; Срезневский И.И. Древние памятники русского языка. СПб, 1882, с. 41 – 42;

⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, 586/843, л.572-573, /ок.1586 г./; ГВЛ, ф. Разумовского, № 65, лл.437 – 440 /ок.1654 г./; №58, л. 288 об.-289 об.

/середина XVII в./; БАН, Вятское собрание, №9, л. 493 об. – 494 об.

/Середина XVII в./; ГПБ собрание Капеллы, 0 – 4, Л.262 об. – 264 /середина XVII в./ – новый шифр – 0 – 472. Перечисленные источники – стихирари минейные нотированные. Ненотированные минеи: ГИМ, Уварова 681 – 4^о л. 506; Синодальное собр. 677, л. 654; ГБЛ, ф. 304 №565, лл. 357 – 361.

В.Е. Соболев, Минск

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ФОРМЫ БЫТОВОЙ КЕРАМИКИ МИНСКА XIV – XVIII вв.

Коллекция бытовой керамики, насчитывающая более 25 тыс. фрагментов и 120 восстановленных форм, собрана во время археологических раскопок и наблюдений за земляными работами на территории Минского замчища, Верхнего города, Троицкого и Раковского предместий, Татарской слободы. Все найденные изделия широко применялись в быту горожан в период с XIV по XVIII вв. По хозяйственно-бытовому назначению минскую керамику можно разделить на 4 вида изделий: кухонную, столовую и тарную посуду, и мелкие керамические изделия.

Кухонная посуда служила для приготовления пищи. Она составляет более 57% всей керамики минской коллекции. Основной её формой во все времена был кухонный горшок, на долю которого приходится 55% изделий. Сосуды XIV – первой половины XVI в. по своей форме, характеру орнамента и технологии изготовления схожи с горшками; XII – XIII вв. Они сформованы на ручном гончарном круге в технике спирального и кольцевого налёпа. В тесте в качестве примесей использовались дрова, крупнозернистый песок и изредка шамот. Орнамент представлен прочерченной волной, зигзагом, либо многорядной линией в сочетании с волной. Со второй половины XVI в. горшки и другая посуда начинают формироваться на быстроходном ножном гончарном круге. Сосуды становятся более тонкостенными и симметричными, увеличивается до 1,5 – 3 л их ёмкость. На горшках XVII – XVIII вв. исчезает орнаментация, упрощается их форма.

Макотры /2%/ служили для растирания мака, творога, замешивания теста, выпекания бабки. Они имели форму усеченного конуса, либо банки. Самые ранние находки макотр в Минске относятся к XV в. Наиболее распространены в слоях XVI – XVIII вв. Отдельные сосуды имели ухо. Высота макотр достигала 22 – 24 см, диаметр устья 23 – 25 см. Некоторые сосуды внутри покрыты зеленой глазурью.

Рынки /1%/ представляют собой миски, посаженные на три ножки и имеющие боковую втулку-рукоять для деревянной ручки. Они служили для жарения и тушения различных блюд в печах с открытым огнем. Распространены в наслоениях XVI – XVIII вв. Все рынки покрыты внутри глазурью. Для протирания и процеживания продуктов, промывки овощей и фруктов использовались дуршлаки, четыре фрагмента которых найдены

на Верхнем городе и Татарской слободе.

Столовая посуда /3,6 %/ представлена находками тарелок, мисок, кубков, чарок, блюдец, солонок. В наслоениях XIV – XV вв. глиняная столовая посуда /миски, тарелки/ встречаются, в единичных экземплярах, т.к. в это время преобладала резная и точеная посуда из дерева. Вся столовая посуда XVI – XVIII вв. сформирована из красной, жирной глины. В качестве примесей изредка применялся мелкозернистый песок. Тарелки, миски, кубки украшались геометрическими узорами в виде гребешковой волны, спирали, штампа, многорядной линии. Вся столовая посуда была покрыта глазурью преимущественно зеленого цвета. В XVIII в. на посуде появляется глухая, разноцветная эмаль. Широко начинает применяться также чернолощенная и дымленая посуда. В XVII в. тарелки, миски, кубки и кувшины чаще имели роспись ангобом, а со второй половины XVIII в. гончары начинают расписывать посуду разноцветными красками по эмали. В наслоениях XVIII в. встречаются майоликовые, и фаянсовые фрагменты тарелок, последние получают широкое распространение в XVIII в.

В качестве тарной посуды /менее 1 %/ население Минска использовало корчаги /XII – первая пол. XIII вв./ кувшины, глянки, горшки–спариши, фляги. Наиболее распространены кувшины. В слое XIV в. на Замщине найдены фрагменты белоглиняного кувшина, покрытого зеленой глазурью. В XVI –XVIII вв. широко применялись глазурованные, дымленные и чернолощенные сосуды высотой 23 – 28 см. Глянки имели шаровидное тулово, невысокое /2 – 3 см/ узкое горлышко и ухо. Их емкость не превышала 1 – 2 л. Ещё меньше были фляги, имевшие в сечении овальную форму. Они вмещали не более 1 л жидкости и использовались, видимо, путниками. Горшки–спариши служили для доставки обеда работающим в поле. За исключением корчаг, вся тарная посуда была, как правило, глазурованной.

Группу мелких керамических изделий /0,5 %/ составляют курительные трубки, игрушки–свистульки, копилки, подсвечники, помадные банки, рыболовные грузики. Курительные трубки появляются в XVII в. и бытуют во все последующие времена. Всего их найдено 65. Формовались они в двустворчатых формах. В слое XVII в. найдены голландские белоглиняные трубки, имеющие яйцевидную головку и глиняный чубук. Копилки в XVII –XVIII вв. использовались для хранения денег и имели луковичевидную форму. В верхней их части была прорезь для бросания монет. Подсвечники XVII – XIX вв. имели сложнопрофилированную форму и гнездо для свечи в верхней части. Для хранения лекарственных мазей в XVIII в. использовались помадные банки. Они были цилиндрической формы и име-

ли воронкообразное углубление. Высота помадных банок составляла 5 – 6 см. В качестве детских игрушек в XVII – XIX вв. использовались глиняные свистульки в виде лошадок, иногда со всадником и птичек.

Таким образом, собранная коллекция бытовой керамики свидетельствует о высоком уровне развития гончарного ремесла Минска, особенно во второй половине XVI – XVII вв.

ПОЛОЦКИЕ КНЯЗЬЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ НАД РУССКОЙ ЗЕМЛЯМИ В XI ВЕКЕ.

В исторической литературе существуют две основные концепции государственного строя Древней Руси. Согласно одной из них /С.В. Юшков, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков/ Русь с 30-х гг. XII в. вступила в качественно новый период своей истории, характеризовавшийся распадом единого государства на независимые княжества-королевства. По другой концепции /А.Н. Насонов, В.И. Довженко, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, Н.Ф. Котляр, П.П. Толочко/ Древняя Русь и в период феодальной раздробленности продолжала оставаться относительно единым государственным образованием, сохранившим общерусскую форму правления. Специальные исследования В.Л. Комаровича, В.Л. Янина, Н.В. Назаренко и др., посвященные анализу происхождения и эволюции представлений о власти над Русской землей в XI – начале XII вв., подтверждают правомочность второй модели государственного устройства.

Нами уже высказывалась мысль о том, что корни новой формы государственной власти, сложившейся в середине XII в., восходят к значительно более ранним этапам. В данном исследовании мы хотим показать, что эволюция представлений о власти над Русью в XI в. происходила при непосредственном участии полоцких князей.

Анализ "Хроники" Титмара Мерзебургского, "Сказание о Борисе и Глебе" и "Повести временных лет" свидетельствует о том, что после смерти в 1015 г. князя Владимира отказ от единовластной формы правления не имел альтернативы. Источники, а также исследования М.Х. Алешковского и Б.А. Головки дают основания предполагать, что с осени 1015 по осень 1016 г. официальная власть над Русью имела форму думвирата в составе Святополка и Бориса и была организована на основе признания важнейшего принципа " – принципа "старейшинства". Победа Ярослава Владимировича над своими братьями в 1017 г. – 1018 г. не позволила ему, однако, утвердиться в Киеве на правах "самовластца". Этому в значительной степени способствовала активная позиция Брячислава Полоцкого, который в 1021 г. Добился заключения соглашения с Ярославом о разделе власти /"биди же со мною за один"/ и стал его "братанич". Хотя Ярослав был признан "старейшим", обе стороны имели равные права на Киев. Ни полоцкий, ни новгородский князь в Киеве не сидели, а управляли городом через своих представителей. Об этом свидетельствует как существование

в Киеве "Ярославля" и "Брячиславля" – дворов, которые мы рассматриваем как форму "причастья", так и отсутствие Ярослава в Киеве на протяжении 1021 – 1026 гг., но упоминание в городе под 1024 г. "мужей Ярославлих".

Захват Чернигова Мстиславом в 1023 г. явился прямым посягательством на власть дуумвиров. Пассивная позиция в возникшем конфликте Брячислава, позволила Ярославу Владимировичу, несмотря на поражение в Лиственской битве, заключить сепаратное соглашение с Мстиславом на более выгодных условиях – наряду с признанием своего "старейшинства", Ярослав добился признания своих прав на Киев /"сиди в своем Кыеве"/.

В результате борьбы за наследство Владимира Святославичи в 1015 – 1026 гг. общественное признание получили основные принципы, легшие в основу системы "коллективного сюзеренитета" в XII в. – "ряд", как основа взаимоотношений между князьями; "старейшинство", как основа для решения внутривнутриполитических и "причастье" – для решения внешнеполитических проблем. Выйдя из родового права, эти принципы не только по форме, как в XII в., но и по существу трактовались исходя из семейно-родовых отношений, о чем свидетельствует применение "заместительного права" в отношении полоцких князей.

С.В. Тарасов, Минск

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ПОЛОЦКА IX – XVII вв.

Вопросы исторической топографии Полоцка давно привлекали внимание исследователей. Полоцк – древнейший город на территории Белоруссии, и один из древнейших славянских городов на территории СССР, на примере которого возможно проследить главные этапы становления города периода Киевской Руси, их влияние на развитие городской структуры вплоть до наших дней. В работах советских археологов А.Н. Лявданского, М.К. Каргера, П.А. Раппопорта, Г.В. Штыхова, Л.В. Алексева и др. уже сложилось определенное представление о топографии древнего Полоцка. Нашей задачей является, на основании предшествующих исследований и новых археологических и исторических материалов, выявление основных исторически обусловленных закономерностей развития Полоцка с древнейших времен до XVII в.

В историческом развитии топографической структуры Полоцка нами выделяется несколько этапов:

1. Хронологически датируется IX – н. XI вв. В этот период город состоял из укрепленного детинца /площадь около 0,8 га/, расположенного на мысу левого берега р. Полоты и двухчастного селища-посада, основная территория которого площадью не менее 5 – 6 га располагалась на месте современного Нижнего замка и непосредственно примыкала к детинцу. Вторая, меньшая часть селища /площадь 0,3 га/ располагалась на правом берегу р. Полоты в районе Красного моста. Т.о. общая площадь Полоцка указанного периода была более 6 – 7 га.

2. Середина XI – XIII вв. Отправной точкой датировки данного периода является перенос укрепленного городского центра на Верхний замок. Анализ археологического материала из раскопок на Верхнем замке /почти полное отсутствие находок IX и весьма незначительное количество вещей X – н. XI вв./ позволяет заключить, что детинец города был перенесен сюда не ранее строительства Софийского собора. На этом этапе происходит активный процесс образования и роста новых городских посадок. В первую очередь развивается Великий посад, который к концу XIII в. достигает наибольших размеров. В XII – XIII вв. значительно увеличивается плотность застройки и населения в Заполотье, где возникают оборонительные сооружения. В структуре города этого времени необходимо рассматривать монастырские комплексы в Бельчицах и Сельце, а

также близлежащие сельские поселения-спутники. Внутри выделенного этапа имеются два периода: 1-й XI – XII вв., 2-й XIII в. – время интенсивного развития на освоенной территории. Общую территорию города на втором этапе следует считать равной около 100 га.

3. XIV – сер. XVI вв. характеризуется тем, что территориальный рост города практически прекратился. Незначительные редкие поселения возникают на левом берегу Двины в р-не Экимани, Слободы, Кривцова посада. В целом же город остается в пределах предшествующего периода.

4. Вторая половина XVI – XVII вв. Происходит перераспределение городских центров и архитектурных доминант. Характеризуется сооружением в 1563 – 64 гг. Нижнего замка /Стрелецкой слободы/, постройкой на Великом посаде в 1581 г. иезуитского коллегиума. Верхний замок постепенно теряет функции главного военного укрепления и административного центра. Развитие города происходит в рамках обусловленных закономерностей веерно-радиальной структуры. Значительно увеличивается площадь Великого посада, полноправным элементом городской структуры становятся задвинские посады. С этого времени частью города возможно рассматривать некоторые районы правобережья Полоты. В тоже время, полностью прекращается рост территории Заполотского посада, что связано с общей тенденцией развития города вверх по течению Двины. Судя по археологическим, историческим и картографическим источникам, площадь города в конце XVII в. составляла около 200 га с населением 15 – 20 тыс. человек. Причем рост населения почти вдвое документально фиксируется за период с 1552 г. по середину XVII в.

В целом, в развитии топографической структуры Полоцка прослеживается ряд закономерностей. Первая из них обуславливается географическим расположением города на мысах междуречья Полоты и Двины. Стремление города к развитию по радиально-веерной планировочной структуре проявилось уже в первые века его существования и сохранялось вплоть до настоящего времени. Вторая особенность, характерная для всех феодальных городов – развитие топографии в тесной взаимосвязи с вопросами социального детерминизма. Функции той или иной части города находились в прямой зависимости от выполняемой ею роли в структуре городского организма. Эти функции, будучи вторичными по сравнению с географическими, в период развитого и позднего феода-

лизма приобрели решающее значение и обусловили внешний облик и топографические особенности территории Полоцка.

С.В. Тарасов, Минск
Г.Н. Романенкова, Полоцк

РАСКОПКИ НА ВЕЛИКОМ ПОСАДЕ В г. ПОЛОЦКЕ.

С мая по август 1987 г. институт истории АН БССР совместно с Полоцким историко-археологическим заповедником проводили работы на площади им. Ленина, где было приостановлено строительство 5-ти этажного жилого дома.

Площадь раскопа составила 1100 кв. м. Мощность культурных напластований до 3 м.

Выделяются следующие стратиграфические слои. Слой балласта XIX – XX вв., состоящий из развалов битого кирпича, песка, асфальта. Слой серовато-черного цвета с вкраплением глины, древесной щепы датируется XVII – XVIII вв. Здесь большое количество изразцов /полихромные, муравлёные, терракотовые/, обувные подковки, изделия из кожи и фрагменты обуви, поливная и неполивная керамика /в т.ч. копилки, тарелки, кубки/, бытование которых почти не выходит за пределы XVII – XVIII вв.

Располагавшийся ниже слой интенсивной черной окраски со следами пожарищ, характеризуется резким исчезновением поливных изразцов и поливной посуды, отсутствием обувных подковок и курительных трубок. Помимо характерной декоративно-строительной керамики XIV – XVI вв., в нём присутствует гончарная посуда этого времени различных типов.

Четвертый стратиграфический слой имеет характерный коричневатый цвет. Насыщен щепой, деревом, навозом и датируется XII – XIII вв.

В предматериковых напластованиях выделяется бедный находками слой светло-серого цвета, относящийся к к. X – н. XI вв. Он характеризуется небольшой примесью щепы. В этом слое в незначительном количестве встречена лепная и заглаженная на круге посуда. Среди находок этого слоя следует особо отметить деревянное навершие в виде головы птицы или дракона, в зверином стиле.

На исследованной площади материк представляет собой светлый, насыщенный водой суглинок.

Выявлено три строительных горизонта. Наиболее выразительно представлен второй, где вскрыты остатки четырех построек.

Обнаруженные в постройках и рядом с ними материалы позволяют их классифицировать как комплекс ювелирных и металлообрабатывающих мастерских.

Первый комплекс /постройки 1 – 3/ принадлежал ювелирам. Найдено большое количество обработанного и необработанного янтаря, производственного брака и готовых изделий /более 400 экз./, бронзовые проволоки, заготовки браслетов и т.д. /более 40 экз./. Здесь же найдена большая часть тиглей, гирька-разновес и ювелирный пинцет.

Постройку 4 следует рассматривать как часть комплекса по производству и обработке металлов. Здесь сосредоточена основная масса сопел /около 400 фр./ и шлаков.

Кроме того прослежены три улицы. Одна из них шла с юго-западного в северо-восточном направлении. Сохранились три строительных яруса улицы, которая существовала с XII по XVII вв. Вторая улица относится к XII – XIII вв. и шла в юго-восточном направлении, почти перпендикулярно к первой улице. Третья улица /XVII – XVIII вв./ тянулась через весь раскоп в направлении север-юг.

Среди уникальных находок следует отметить резную каменную печать из песчаника к. XVI – н. XVII вв. С одной стороны она имеет изображение "Погони" – всадник на коне со щитом и мечом в поднятой руке. С другой – изображение оленя в обрамлении растительного орнамента. Вторая находка – выточенная из рога фигурка шахматного ферзя /XVII в./.

Раскопки на Великом посаде в Полоцке показали большую культурную и историческую ценность данного памятника. Выявленные остатки ремесленных мастерских подтверждают роль Великого посада как места расселения основной массы ремесленников феодального Полоцка.

Раскопки 1987 г. поставили также вопрос о необходимости включения территории Великого посада в охранную зону Полоцкого историко-археологического заповедника. Этот вопрос должен быть неотложно решен Министерством культуры БССР.

О.В. Терещатова, Минск

ФРЕСКИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СПАСО-ЕВФРОСИНЬЕВСКОГО
МОНАСТЫРЯ В г. ПОЛОЦКЕ.

Наиболее ранние памятники монументального искусства на территории Белоруссии были созданы в Полоцком княжестве, которое в XI – XII вв. переживало период культурного и экономического расцвета. В это время в Полоцке и других крупных городах княжества широкие масштабы приобретает строительство каменных культовых зданий, многие из которых были украшены фресковой росписью.

Первым был расписан возведенный между 1044 и 1066 гг. Софийский собор. До настоящего времени здесь сохранились лишь небольшие фрагменты орнаментально-декоративного характера.

В первой половине XII в. возводится комплекс Бельчицкого Борисоглебского монастыря, три церкви которого были украшены росписями.

В середине XII в., строится и расписывается Спасо-Преображенская церковь Евфросиньевского монастыря, возведенная между 1152 и 1161 гг. зодчим Иоанном, как сообщается в житии Евфросиньи Полоцкой.

Стилистическая и идейно-художественная оценка полоцких фресок до последнего времени была сильно затруднена, поскольку первоначальный красочный слой был скрыт под масляной записью, выполненной в 30 - 40-е гг. XIX в. Неоднократные посещения реставраторами Спасо-Преображенской церкви в предвоенное и послевоенное время привели к тому, что было открыто лишь 8 фрагментов древней живописи: на лопатках подпружной арки, гранях подкупольных пилонов и на южной стене. Они расположены в нижнем регистре росписей и посвящены изображениям отдельных святых. Все исследователи, писавшие о полоцких фресках на основе этого небольшого материала, единодушно отмечали их высокий художественный уровень и византизирующий характер стиля.

Последние несколько лет происходит интенсивное самораскрытие фресок в связи с неудовлетворительным температурно-влажностным режимом помещения. В результате нам удалось прочесть значительное количество новых сюжетов, размещенных в алтарной части, жертвеннике, на стенах основного объема и стенах небольшой капеллы на хорах, обычно называемой "кельей Евфросиньи". Хотя фрагментарность открывшихся сюжетов в ряде случаев затрудняет их идентификацию, нового материала вполне достаточно, чтобы высказать некоторые соображения об идеологической программе и особенностях структуры полоцких росписей.

Наибольшее количество сцен читается в апсидной части, нижний регистр занят изображениями святителей /двенадцать фигур/, представленных в рост и строго фронтальных застывших позах. Продолжением этого регистра на простенках, которые соединяют подпружную арку с восточной парой подкупольных пилонов, являются изображения старцев, облаченных в коричнево-красные одежды представленных в моленных позах со сложенными на груди руками. Их необычный разворот – в сторону от апсиды – указывает, вероятно, на то, что в древности алтарная преграда примыкала к лопаткам подпружной арки.

Во втором регистре в алтарной части изображены серафимы. На лопатках подпружной арки в этом регистре – сюжетные сцены, напоминающие "Жертвоприношение Авраамова" и "Ведение Исаака на жертву". В простенке – сцены мучений, а на внутренних гранях подкупольных пилонов – мученики в белых хламидах.

В третьем регистре читаются могучие абрисы широко шагающих к центру апостолов из композиции "Евхаристия", показанных в три четверти поворота. Их движения даются в сильной динамике, босые ноги широко расставлены, белые одеяния развеваются. Огромная композиция "Евхаристии" не вмещается собственно в апсиде, поэтому крайние фигуры апостолов размещены в простенках над изображениями мучеников и фланкируются фронтально расположенными равновеликими их фигурами святых в рост на внутренних гранях восточной пары подкупольных пилонов. Это придаёт структурное единство всем росписям заиконостасной части храма. С увеличением высоты регистра растут и размеры фигур. Так, фигуры апостолов на "Евхаристии" в полтора раза больше фигур святительского чина.

О росписях жертвенника и диаконника в настоящее время сказать также невозможно. В самом центре жертвенника изображена богоматерь Халкопротийская. На северной стороне угадывается композиция "Авраамова гостеприимство". Лучше видна монументальная композиция "Оплакивание", размещенная на южной стене. В диаконнике на северной стене едва различима композиция "Распятие".

В центральной части храма открывшиеся фрагменты в основном дополняют то, что было известно по сделанным ранее расчисткам. Грани западной пары подкупольных пилонов украшены изображениями святых в рост со свитками. Грани столбов, поддерживающих хоры – подгрудными изображениями святых жён. На южной стене рядом с расчищенными ранее фигу-

рами монахинь /три фигуры/ хорошо читается ещё одно изображение. Этот фрагмент дополняет галерею высокохудожественных женских образов, которыми изобилует роспись Спасского собора Евфросиньевского монастыря. Золотистая охра нимбов живописно оттеняет сосредоточенные лица, сделанные очень пластично и образно.

Особенно интересными и неожиданными явились фрески кельи Евфросиньи. Это небольшое помещение, имевшее в плане равноконечный крест. Лучше всего здесь сохранились росписи восточной ниши, структура которой напоминает сложившееся позднее членение высокого иконноста. В нижнем регистре на боковых гранях ниши изображены четыре отца церкви. На две ниши сцена "Благовещения", причем, между Марией и Гавриилом сделано окно, открывающее вид на алтарную часть храма. Во втором регистре изображен семифигурный Деисус – один из самых ранних в древнерусском искусстве домонгольского периода. Хорошо сохранилось центральное изображение Спаса, отличающееся темпераментностью рисунка, изысканностью колорита и напряженностью внутреннего состояния. В третьем регистре изображены три праздничные сцены. В центре – "Распятие", а слева на своде – "Сретение".

Колористический строй в основном объеме храма с фиолетовым оттенком был написан красками местного происхождения /настоя жженных еловых шишек/. В келье же фон темно-синий с изумрудно-зеленоватым оттенком византийского характера. Материалом для изготовления красок здесь послужила жженая кость. Одевания написаны в традиционных цветах: белых, красно-коричневых, розовых, сине-голубых, зелено-изумрудных и охрой разных оттенков. Назнаменование и разгранка сделаны красно-коричневыми красками.

Образы отличаются индивидуальной характеристикой, очень выразительны, вдохновенны. Статические фигуры, созданные в классических пропорциях, удлинённые лики с большими миндалевидными глазами и темными глазницами, вокруг которых полукругом сделаны темные описи, и крепко сжатыми устами поражают экспрессией, внутренней напряженностью и изысканностью колорита.

В стилистическом отношении исследованный материал подтверждает сделанный ранее вывод о сильном влиянии византийского искусства комниновского периода, однако, в настоящее время появляется возможность связать росписи Спасо-Преображенской церкви с кругом древнерусских и южнославянских памятников середины и второй половины XII в. и уточнить вклад полоцкой живописной школы в историю средневекового русского искусства.

И.Ф. Тоцкая, Киев

К ВОПРОСУ О ЖИВОПИСНОМ ДЕКОРЕ КИЕВСКОЙ СОФИИ.

В Софии Киевской с XI в. сохранилось 260 кв. м мозаик и около 3-х тысяч кв. м фресок. Фрески имеются во всех древних помещениях – в центральном пятинефном пространстве, в обеих башнях, во внутренних и внешних галереях, на фасадах. Расположение фрагментов стенописи свидетельствует о том, что собор в XI в. был расписан полностью, по всем архитектурным плоскостям.

Исследование последних лет показали, что между строительством собора и выполнением мозаик и фресок был небольшой хронологический разрыв. В тот период поверхность кладки была открытой как снаружи, так и внутри; декоративные особенности кладки были усилены подкраской и играли определяющую роль в художественном облике собора. Аналогии видим в Новгородской Софии /однако в Новгороде разрыв между строительством собора и росписью был значительно большим/. Возможно, в интерьере Киевской Софии имелись "облегченные" росписи по кладке типа новгородской композиции "Константин и Елена".

Исследования последнего времени опровергли высказанные в литературе предположения о том, что мозаики и фрески Киевской Софии выполнены не одновременно и принадлежат к различному декоративному замыслу. Этому противоречит сочетание мозаик и фресок в алтарной части /фрески украшают "тыловые" поверхности столбов, покрытых мозаиками/, а также сочетание мозаик и фресок в одной сюжетной схеме /"Сорок мучеников" на подпружных арках/. Наиболее веские доказательства одновременности выполнения мозаик и фресок получены в результате археологических исследований территории и анализов фресковых штукатурок Софии.

Во время раскопок на подворьи собора нами обнаружены следы смальтового производства /фрагменты загостовой смальты – "коржей", бракованная смальтовая масса – отходы производства, фрагмент сосуда для варки смальты и др./, что говорят о наличии местного производства смальты. Исследование штукатурного основания под фрески показало, что в состав штукатурки в качестве наполнителя добавлены отходы смальтового производства/ эта уникальная добавка присутствует в фресках всех древних помещений и на фасадах/. Отметим, что этот наполнитель отсутствует в тех фресках Софии, которые выполнены во время ремонта во II пол. XI – нач. XII вв.

Единовременность фресок центральной части Софии и галерей под-

тверждается общей системой стенописи, схемой размещения изображений, основные принципы которой прослеживаются во всех помещениях: в куполах – в центре медальон с хризмой и вокруг четыре медальона с полуфигурами архангелов или орнаментом /реже – изображения четырех серафимов/; на крешатых столбах и пилонах – фигуры в рост, на боковых гранях – орнаменты или большие кресты; на арках между столбами – хризма в медальоне в центре и две "иконы" в прямоугольных рамах с полуфигурами святых по сторонам; на стенах в простенках между пилонами, как правило, размещены трехчастные композиции, увязанные с оконными проемами /две фигуры по сторонам и поясная фигура в прямоугольной раме под окном, два медальона с поясными фигурами по сторонам и полуфигура в прямоугольной раме в центре под окном и др./

Характерна схема размещения росписей в боковых алтарях Георгиевского и Михайловского приделов /в конхе – полуфигура святого, ниже – ряд фигур святителей в рост, под ними – полоса орнамента/, а также на сводах предалтарной части /композиции в прямоугольных рамах по обеим сторонам от шельге свода/. В жертвеннике и диаконнике под конхой – яркое расположение житейных сцен /по две сцены в каждом ярусе, заключенные в прямоугольные рамы/. Оконные и дверные откосы имеют две орнаментальные полосы – на внутренней и внешней части, разделенные оконной или дверной рамой. Во всех помещениях собора имеется понельный орнамент, разделенный на отдельные композиционные отрезки. Иногда встречаются две горизонтальные полосы орнамента /по низу апсиды/.

Большую роль в росписях играет разгранка – широкая красно-коричневая полоса, которая обводит все без исключения композиции /показательная разгранка у смежной стены на композиции "Семья Ярослава Мудрого"/.

Рамки настоящего сообщения не дают возможности в полном объеме рассмотреть декоративную схему росписей Софии Киевской.

Изучение системы росписи Софийского собора в Киеве важно не только для исследования культуры Древней Руси, но также для понимания и реконструкции монументальной живописи тех памятников XI в., где живопись сохранилась в значительно меньшем количестве.

О.А. Трусов, Минск

ВКЛАД И.М. ХОЗЕРОВА В ИЗУЧЕНИЕ ПОЛОЦКОГО ДРЕВНЕГО ЗОДЧЕСТВА.

В этом году исполнилось 40 лет, как умер известный исследователь полоцкого и смоленского древнего зодчества – Иван Макарович Хозеров.

Он был первым археологом, который изучал полоцкие храмы XI–XII вв. и, вероятно, с него началось выделение полоцкого зодчества в особое архитектурное направление Киевской Руси.

В 1926 г. Хозеров вместе с Н. Щекотихиным изучал Полоцкую Софию и пришел к выводу, что её западные апсиды построены значительно позже /не ранее XV в./, чем собор XI в. Однако после смерти исследователя многие ученые вернулись к ошибочной мысли о первоначальной постройке западных апсид в XI в. Только последние раскопки В.А. Булкина подтвердили достоверность выводов И. Хозерова. Также в 1926 г. ученый исследовал верхние части Спасской церкви XII в. в Евфросиньевском монастыре. Он выявил первоначальную форму окон божицы и значительно дополнил реконструкцию первоначального облика храма, предложенного впервые Я. Бруновым в 1923 г. Долгое время эта реконструкция была самой точной и приводилась в многочисленных научных изданиях.

В 1928 г. исследователь провел раскопки Борисоглебской и Пятницкой церквей XII в. в Бельчицком монастыре, сделал точные обмеры сохранившихся остатков этих храмов, сфотографировал и частично зарисовал фресковые росписи этих уникальных памятников.

Следует отметить, что методика исследования этих храмов была настолько точной, что позволила последующим исследователям /Н. Воронину, Г. Штыхову, О. Терещатовой и др./ не раз использовать в своих Работх ненапечатанные материалы И. Хозерова.

Даже частично напечатанные исследователем результаты изучения полоцких памятников XI – XII вв. позволила ученым говорить позже о существовании самостоятельной полоцкой архитектурной школы и её сильном влиянии на Смоленское зодчество. Этому способствовали и те публикации И. Хозерова, где идет речь о строительном материале /особенно плинфе/ и знаках мастеров-плинфоизготовителей на древних кирпичах.

Сразу после Великой Отечественной войны /в 1946 г./ И.М. Хозеров переезжает в Минск, где возобновляет работы по изучению древней Белорусской архитектуры он продолжает изучение Полоцкой Софии и начина-

ет исследовать Коложскую церковь в Гродно. Но напряженная работа во время экспедиций отразилась на его здоровье и в марте 1947 г. И. Хозерова не стало.

Неизданные рукописи, рисунки и фотографии исследователя находятся в архивах Москвы, Ленинграда, Смоленска и Минска. Они имеют большое значение для изучения истории, архитектуры и материальной культуры Белоруссии и должны быть напечатаны.

В. Ушинскас, Ленинград

О ДРЕВНЕМ БРАСЛАВЕ.

1. В древнерусских источниках сведения о древнем Браславе /Брячиславль, Бряславль/ отсутствуют. Впервые он упомянут только в "Хронике Быховца" /источник третьего десятилетия XVI в./, где сказано, что земля легендарного литовского князя Кернуса простиралась "по границу Латвийскую и по Завилейский Браслав и до самой реки Двины". Там же отмечен общий поход войск литовских и жмутских "на Русь к Браславу и к Полоцку". По хронике М. Стрыйковского, к этому времени /1055 г./ Браслав уже принадлежал княжеству Полоцкому.

2. Название Браслава, по мнению некоторых исследователей, произошло от имени полоцкого князя Брячислава /1001 - 1044 гг./. Другие предполагают, что первоначальное название города могло произойти от литовского brasta /брод/. Последнее представляется мало убедительным. В пользу же патронимического происхождения этого топонима свидетельствует использованное в хронике определение "Завилейский" – Браслав необходимо было выделить среди других Брячиславлей, расположенных на окраинах Полоцкой земли. Следовательно, название "Браслав" не могло появиться ранее XI в.

3. Археологические раскопки Браславского городища показали, что город возник в начале XI в. на месте сожженного поселка, слой которого датирован концом I тыс. н. э.; в основном – X в. По мнению автора раскопок, это было латгальское поселение /Л.В. Алексеев, 1966, 173 – 174/. В 6 км от Браслава находился другой важный центр того времени – Масковичи. Среди его древностей выделяются украшения, типичные для литовцев, латгалов, земгалов и ливов /Л. Дучиц, 1985, 63 – 64/. Там же обнаружено не более 100 фрагментов костей птиц и животных с нанесенными на них руническими надписями, которые обнаруживают связь со скандинавской "бытовой" рунической письменностью XII–XIV вв./Л.В. Дучиц, Е.А. Мельникова, 1981, 214-215/. Видимо, Масковичи были важным межплеменным торговым центром на балто-славянском пограничье и играли существенную роль в Западнодвинской коммуникационной системе. Основная масса масковичских находок датируется XI–XIII вв. и не исключено, что возникновение Масковичей связано с уничтожением Браславу предшествовавшего поселения.

4. В скандинавской саге конца XIII в. /"сага о крещении"/ рассказано об исландце, жившем в конце X в.; Торвальде Путешественнике, умершем на Руси "недалеко от Полоцка", по пути из Иерусалима по Днепру через

Киев в Скандинавию, и похороненном "в высокой горе вверх по течению Дрёвна", "у церкви Иоана Крестителя" /Т.Н. Джаксон, 1986, 77; и в настоящем издании/. Наличие гидронимов с общим корнем /Дривяты-Друвяты, Друйка/ в системе Браславских озер, позволяет предположить, что "Дрёвн" скандинавского источника относится к этому гидронимическому узлу. Интересно, что в Дривятском озере есть остров "Кляштор", где раньше был униатский монастырь, а так же крестьяне находили "разрушенные ржавчиною мечи" /Ф.В. Покровский, 1899, 29/.

5. Многочисленные топонимы, связанные с гидронимикой – озеро и поселение Смалвос, Друкшай-Дрисвяты и др., – наводят на мысль, что поселение, существовавшее до возникновения Браслава /позднее в Масковичах/, тоже могло иметь название подобного происхождения. Сохранилась литовская форма названия оз. Дривяты – Druvetas. Так же должна была называться и Друйка, левый приток Западной Двины, соединявшей систему Браславских озер с Западной Двиной. Вверх по Друйке /Дрёвну/ и находился Друвятас.

Ходыко А.Ю., Минск

ПОРТРЕТ 1766 г. ИЗ ПОЛОЦКА.

В фондах ГИМ СССР в Москве хранится неизвестный ранее следователям белорусского искусства портрет Иосифа Прозора (№4239). Характер изображения, стилистические особенности, размер московского портрета оказывается в буквальной аналогии с теми же чертами опубликованного в альбоме "Жывапіс Беларусі XII – XVIII ст." портрета Михаила Квиена, датированного в альбоме 2-ой половиной XVIII в. Художественная и образная системы двух портретов настолько близки, что их можно смело считать происходящими из одной живописной серии, находившейся до 1941 г. в Полоцком краеведческом музее поступившей туда из галереи иезуитского коллегиума.

Расцвет полоцкого коллегиума, основанного в 1580 г., приходится на 18 в., когда с 1750 г. возводится большой каменный корпус, частично существующий поныне. Здесь в среднем крыле расположились музей и библиотека. По приезду в 1784 г. в Полоцк Г. Грубера, математика, архитектора и художника, строится ещё один корпус, в котором размещается уже выделенная из музея картинная галерея. Во 2-ой пол. 18 в. в коллегиуме накапливается опыт преподавания курсов военной и гражданской архитектуры, обеспечиваются учащимся живописного и скульптурного ремесла. Некоторые исследователи предполагают (Ст. Зеленски), что в коллегиуме читался курс теории живописи. Преподавалась теория архитектуры и различных ремесел. В это время в Полоцке работали и преподаватели архитекторы М. Почобут, А. Жебронский, В. Шляхта, Г. Ленкевич, подвизались – художники М. Бейтник, Я. Шальман, И. Доретти. Среди воспитанников коллегиума появились мастера, чьи произведения вместе с работами преподавателей и приезжих художников попадали в музей. По характеру коллекций музей был близок к классической системе кунсткамеры – здесь находились минералогический кабинет, собрания пород древесины и видов растений, коллекции оружия и архитектурных моделей. В музее хранились произведения П.П. Рубенса, Сальватора Розы, Шимона Чеховича, копии работ Тициана, Рафаэля, более 2 тыс. гравюр и большое количество портретов – изображений, связанных с историей коллегиума лиц. Портретная галерея играла роль своего рода живописного памятника.

Учитывая характер учебной программы коллегиума и безусловное

происхождение портрета Прозора и его музея, можно предложить следующее прочтение латинской надписи на портрете (M.A.P.P.C. Iosephus PROZOR obiit Stonim An: 1766): "Магистр Архитектуры и Живописи Полоцкого Коллегиума Иосиф Прозор умер в Слониме в 1766 г.". Прозоры – род, переселившийся в Великое княжество Литовское из Московского государства в XVI в. В XVIII в. с церковью связан лишь Казимир Прозор, издавший своё теологическое сочинение у виленских базилиан в 1753 г. Более интересную информацию удастся извлечь благодаря упоминанию в надписи Слонима. В Слонимской резиденции иезуитов с 1740 г. возводится каменный костёл, строительство которого в 1766 г. прерывается из-за смерти архитектора, имени которого источники не сообщают. Представляется вероятным, что его называет надпись на портрете Прозора.

Портреты Прозора и Квиена, удивительно близкие по живописи, написаны рукой одного, не слишком сильного мастера, недопускающего, однако, явных просчетов в изображении модели. Большое внимание уделяется реализации установки на светотеневое выявление объёмов фигур. Такой характер живописи совпадает с духом и системой художественного воспитания в коллегииуме, предусматривавшего копирование произведений западноевропейского искусства. Находясь в начале реалистической линии развития белорусской живописи, портрет Прозора сохраняет генетическую связь с художественной системой барокко и сарматским портретом. Это подчёркивает надпись эпитафийного характера, фиксирующая плоскость и придающая изображению черты труменного портрета, обязательного атрибута "погребальной помпы". Названная черта оттеняет одну из функций портретной галереи иезуитов, служившей своеобразным мемориалом. Попытки определить автора портретов Прозора и Квиена заставляют выделить среди работавших в Полоцке во 2 пол. XVIII в. художников Игнатия Доретти. Он родился в Праге в 1703 г., вступил в орден в Вильне в 1736 г. и известен тем, что для к. св. Игнатия создавал портреты генералов ордена. С 1762 г. и до смерти в 1768 г. Доретти работал в Полоцке. Некролог Доретти отмечает, что своей кистью художник украсил многие иезуитские костёлы. Итак, в собрании ГИМ СССР находится датированный 1766 г. портрет из Полоцка, входящий в серию, созданную, очевидно, Игнатием Доретти (1703 – 1768).

М.М. Цейтлина, Минск

Т.И. Левкова, Минск

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОСПИСЕЙ ПОЛОЦКИХ ХРАМОВ IX – XII вв.

Полоцкие соборы принадлежат к числу наиболее ранних памятников Древней Руси. Наиболее ранним из них является Софийский собор. Также как соборы в Киеве и Новгороде, памятник был расписан, о чем свидетельствуют сохранившиеся фрагменты живописи стен и столбов.

По уцелевшим на стенах и столбах росписям из-за их крайней фрагментарности невозможно судить ни о композиции, ни о иконографических сюжетах, но они являются ценным источником информации, обогащающей наше представление о технике живописи древнерусских мастеров, о материалах, применявшихся ими, а в известной степени и о колористической гамме, которой они отдавали предпочтение. Именно с этих позиций сохранившиеся фрагменты были нами исследованы.

В ходе исследования анализировались данные физико-химических, оптических и аналитических методов исследования.

Роспись преимущественно исполнялась в технике фрески непосредственно по однослойному грунту. Палитра росписей древнего Софийского собора исключительно богата. Художники пользовались, преимущественно природными минеральными пигментами. Среди красок в росписях Софийского собора следует особенно выделить яркую малиново-красную киноварь. Наряду с киноварью в красных пигментах установлены охра и свинцовый сурик. Наличие большого количества киновари и свинцового сурика в краевых красках характерно также для Киевского и Новгородского Софийских соборов.

В Полоцких фресках широко использовались охры светлые, коричневые земли, лазурит, глауконитовые породы. Толченый древесный уголь, замешанный с известковыми белилами, применялся в качестве черных красок. Краски преимущественно затирались на воде. Лазурит, киноварь, свинцовый сурик готовились на клеевом вяжущем.

Своеобразна техника письма росписей. Подмалевок установлен не во всех фрагментах. На отдельных участках краски наносились по известковому грунту. Интерес представляет характер письма стилизованного растительного орнамента оконных проемов. По золотисто-розовому основанию орнамент писали тонко измельченным древесным углем, с приме-

стью киновари, затертыми на известковых белилах.

Одинаковая подготовка грунтов под живопись, применение материалов, близких по составу и способу их приготовления, позволяет заключить, что все росписи выполнены по единой технологии в одно и то же время.

Параллельно с исследованием росписей Софийского собора нами изучались технические характеристики живописи, принадлежавшей близким к нему по времени памятникам: Спасо-Преображенской церкви Спасского монастыря, фрагменты росписей из раскопок Большого собора Бельчицкого монастыря, б. Храма-усыпальницы на территории Спасского монастыря. Оба памятника относятся к первой половине XII в. Сохранившиеся фрагменты росписей Софийского собора по своему цветовому решению к технике исполнения наиболее близки росписям Большого собора Бельчицкого монастыря /20-30-е гг. XII в./ . Росписи Спасо-Преображенской церкви имеют уже существенные отличия.

Параллельное исследование ряда хронологически близких полоцких архитектурных памятников дает возможность проследить изменения технико-технологических приемов фресковой живописи, произошедшие за сравнительно небольшой промежуток времени. Сравнивая росписи Софийского собора с росписями памятников, датируемых первой половиной XII в. можно заключить, что наиболее близкими к росписям Софийского собора являются росписи Большого собора Бельчицкого монастыря.

В целом же отличие в технико-технологических приемах живописи архитектурных памятников XII в. от живописи Софийского собора характеризуется тенденцией к последовательному изменению состава и структуры живописных грунтов и способа нанесения красочного слоя. В штукатурных массах полностью исчезает керамический порошок, а цемянка вводится в минимальных количествах. Зато значительно увеличивается количество волокнистых добавок. Красочный слой наносится корпусно.

Скорее всего выявленные изменения связаны со становлением местной школы живописи.

В.И. Шадыро, Минск

К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПОЛОЦКОГО ПОДВИНЬЯ В

I тыс. н. э.

Своеобразие западной части Полоцкого Подвинья связано с тем, что еще в раннем железном веке здесь обитали племена двух балтских культур: днепродвинской /ДДК/ и штрихованной керамики /КШК/.

В данном регионе легко сказывалось влияние круга древностей Прибалтики, ибо оно распространялось в среде родственных племен.

В раннем железном веке территория Верхнедвинского, Миорского и Браславского /исключая р-н Браславских и Освейского озер/, судя по плотности городищ была относительно малонаселенной областью.

Многие поселения /Прудники, Барсуки, Урагово/ содержат керамику характерную для прибалтийских поселений /шероховатая и гладкая поверхность ранних образцов/, что свидетельствует о полиэтничности региона уже в раннем железном веке. Встречаются также т.н. "островки" с иноплеменным населением /Тясты/.

Рассматриваемый регион ввиду своей малонаселенности, смешанных в чересполосных поселений не представлял никаких трудностей в плане колонизационного освоения и последующего заселения его.

Приток нового населения был обусловлен миграционными движениями племен, т.н. "переселение народов". К середине I тыс. культуры раннего железного века /КДК и КШК/ исчезают, а их место занимают древности, отличающиеся /главным образом керамическим фоном/ от предшествующих. Западная часть Полоцкого Подвинья становится зоной проникновения с одной стороны древностей прибалтийского круга поселений с гладко-стенной и облитой керамикой, с другой – древностей банцеровско-тушемлянкой культуры /БТК/, причем археологически фиксируется большая активность со стороны первых.

Анализ материала из поселений белорусско-латышско-литовского зарубежья свидетельствует о том, что влияние древностей БТК здесь проявляется слабо. Незначительный процент присутствия керамики БТК не влияет на культурный фон данного региона.

Западнее линии Освея-Дисна-левобережье р. Дисны проникновение древностей БТК весьма ограничено. Ранние органы культуры длинных курганов /КДК/, которые имеют много общего с древностями БТК здесь не зафиксированы.

С последней четверти I тыс. н. э. в белорусско-литовско-латышском порубежье распространяются могильники с насыпями круглой, овальной реже удлинённой формы и единичными длинными курганами. Учитывая слабую заселённость региона, эти могильники вряд ли могли быть памятниками местного населения. Они появились здесь в результате передвижения сюда носителей уже сложившейся /КДК/, формирование которой происходило, видимо, на базе балто-финно-славянского симбиоза, где славянский элемент доминировал.

По имеющимся данным, можно предварительно наметить пути славянской колонизации края. В течение VIII – X вв., славяне, впитавшие в значительной мере элементы балтской культуры довольно глубоко проникают в рассматриваемый регион, главным образом, с востока по левобережью Зап. Двины /Свила, Опса, Устье, Рацкий Бор, Богино/. В X – н. XI вв. увеличивается приток населения, причем массовое расселение славянского населения фиксируется в западной части Браславского р-на и, главным образом, на правобережье Зап. Двины в Верхнедвинском р-не. Учитывая сходство курганов правобережья Зап. Двины и Себежского Поозерья, можно предположить, что приток населения в изучаемый регион имел место и с северо-востока, т.е. Псковщины.

Г.В. Штыхов, Минск

МЕСТО ПОЛОЦКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Изучение истории Полоцка и Полоцкой земли открывает широкие возможности для выяснения закономерностей социального развития всего восточного славянства. Полоцк относится к числу немногих городов, которые названы на первых страницах летописи в связи с событиями, происходившими в IX в.

Полоцк, вероятнее всего, возник в качестве племенного центра западной ветви кривичей, или полочан, как она именуется в источниках. В настоящее время некоторые исследователи выражают сомнение в принадлежности кривичей к восточным славянам, считая, "что кривичи были или сильно балтизированными славянами, или же восточными балтами" /Авдусин Д.А., 1977/. Это ошибочное мнение, извращающее суть происходивших событий и этнической ситуации. Не случайно в летописи оговорена связь полочан с кривичами. Для нас чрезвычайно важен реестр племен, говоривших на славянском языке, помещенный в "Повести временных лет": поляне, древляне, новгородцы, полчане, дреговичи, северяне, подтверждающий принадлежность полоцких кривичей к славянам.

Полоцкие кривичи – федерация племен, выделившихся из кривичской со своим старым центром в Полоцке. В Полоцке было свое древнейшее княжение. Подобные образования генетически восходят к политическим организациям эпохи военной демократии. В военно-административном отношении племенные княжения опирались на систему укреплений-"градов".

Полоцк возник и развивался одновременно с центрами других объединений восточных славян Новгородом /на Рюриковом городище/, Смоленском /в Гнездово/. Земля, именуемая Полоцкой, включала основную часть современной Белоруссии. Восточная часть кривичей сформировала Смоленское княжение.

Наличие местных центров не препятствовало созданию общего для восточных славян Киевского государства, которое состояло из ранних территориальных единиц, известных под названием "волость", "земля", "область". Все они употреблены в летописи по отношению к Полоцку. В IX – XII вв. названием Полоцк часто заменяли слово "земля" /княжество/.

Внутренние связи в Киевской Руси во второй половине X в. заметно укрепляются. Но объединение восточных славян было неполным даже в самом конце X в. В это время полоцкий князь Рогволод являлся са-

мостоятельным владельцем.

Несмотря на ранние сепаратистские тенденции по отношению к древнерусской политической системе с центром в Киеве. Полоцк в период формирования Древнерусского государства поддерживал тесные связи с Киевом /поход на Царьград в 907 г., события 980 г./

После 1036 г., когда скончался тмутараканский князь Мстислав и все левобережные земли снова соединились под главенством Киева, власть на Руси сохраняли две княжеские ветви: сын Владимира Ярослав Мудрый в Киеве и внук Владимира Брячислав Изяславич в Полоцке. Полоцкие князья вели свою отчину от Рогволода.

Отношения между Киевом и Полоцком неоднократно осложнялись в XI в., когда в Полоцке надежно обосновалась княжеская династия /Брячислав, Всеслав/. Полоцк соперничал с Новгородом и Смоленском из-за соседних территорий. В первой трети XII в. взаимоотношения киевских /южнорусских/ князей с Полоцком продолжали оставаться острыми в связи с распадом Древнерусского государства Полоцкая земля окончательно обособилась от Киева. Есть основания рассматривать Полоцкую землю как самостоятельную единицу в политической системе Древней Руси /Алексеев Л.В., 1966 г./. Полоцк был центром крупного княжества, которое по существу являлось отдельным государством со своей княжеской династией и вечевым устройством.

Ярошевич А.А., Минск

ПОЛОЦКАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ БАРОККО.

Из всех видов искусства Полоцка пластика изучена наименее; между тем, самые древние произведения белорусской скульптуры связаны с Полоцкой землей (принесенные в 1540 г. в Псков "Никола" и "Параскева", "Распятие" 14 ст. из Голубич, "Св. Григорий" 15 – 16 ст.ст. из Полоцка). Очевидно, в Полоцке скульптура появилась ранее, чем где-бы то ни было в Белоруссии в силу обширных связей с Западной Европой (например, через Ригу).

Как ни парадоксально, памятников барочной скульптуры в самом Полоцке совершенно не сохранилось. Лишь архивные источники (инвентари к. XVIII – н. XIX ст.) позволяют реконструировать в общих чертах картину пластического образа полоцких храмов. О существовании резницкой мастерской в Полоцком коллегиуме свидетельствует изготовление в к. XVII – н. XVIII ст. полихромных "сницерских" алтарей в принадлежащих иезуитам деревнях Рукшеницы, Загатье, Экимань, а также выполнение подобной же работы для полоцких доминиканцев. До середины XIX ст. в Улле сохранялся ансамбль из 6 "старосветских" резных алтарей, выполненный около 1669 г.; инвентарь отмечает высокохудожественное исполнение резьбы и скульптуры, полихромной, с серебрением и позолотой. Возможно, с Полоцком связан уникальный памятник монументальной резьбы – алтарь костёла бернардинцев в д. Будслав Минской области (1640-е годы). Архитектурная композиция алтаря построена на принципе сходящейся перспективы и не имеет аналогий в искусстве соседних стран; 20 скульптур, установленных в нишах боковых крыльев и на карнизе, отличаются пластическим изяществом в передаче анатомии фигур, жестов, рельефных драпировок. Участие полоцкого воеводы в закладке храма, как и то, что его строителем был мастер каменных дел Андрей Кромер из Полоцка позволяет допустить, что и резчик мог прибыть оттуда же. В XVIII ст. дерево в монументальной скульптуре уступает место стукко и гипсу. В костеле иезуитов (1733 – 1745) стены, хор и колонны были украшены лепниной в сочетании с росписью, в этой же технике исполнены алтари. К их изготовлению мог быть причастен опытный "штукатур" Франтишек Прыщинский, прошедший длитеную школу в Вильне и работавший в Полоцком коллегиуме в 1783 г. В иконостасе Софийского собора (1738 – 1750 гг.) на месте икон апостольского и пророческого рядов находились гипсовые статуи. Из трёх монастырских храмов, воздвигнутых в Полоцке в последней трети XVIII ст. наиболее впечатляющим было каменно-стукковое убранство Бернардинского костела

(1767 – 1769 гг.). Сходным образом оформлен был интерьер костела францисканцев (ок. 1772 г.)

Во 2-ой пол. XVIII ст. в Полоцкой земле наблюдается расцвет каменного монументального зодчества. К высшим достижениям т. наз. "виленского барокко" принадлежат храмы в Глубоком, Березвече и Забялах. Внутри Забяльского костёла доминиканцев, архитектором которого считается Я.К. Глаубитц, находилось 9 алтарей из стукко, украшенных 29 скульптурами. Аналогией может послужить Виленский храм того же ордена, перестроенный в это же время после пожара. Главный алтарь Березвечской церкви (1756 – 1764 гг.) охватывал весь презбитерий, скульптура в нём, а также в боковых алтарях изображала евангельских святых, восточных отцов церкви, славянских первоучителей, мучеников Бориса и Глеба. Интерьер этого храма представлял высокий образец барочного синтеза архитектуры и пластики. Параллельно со стукко продолжала существовать (хотя и в меньших масштабах) деревянная скульптура, развивая новые иконографические образы.